
Ю. КУРОЧКИН
Приклю -
чения
„мадонны"

Ю. КУРОЧКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «МАДОННЫ»

СТРАНИЦЫ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ПОИСКОВ

СВЕРДЛОВСК. СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1973

Р2 (С17)
К93

К $\frac{0284-081}{\text{М158(03)}-73}$ 81—73

ОТ АВТОРА

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПОИСК, ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛЫХ ПЯТЕН ИСТОРИИ СВОЕГО КРАЯ — УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ, ХОТЯ И НЕЛЕГКОЕ ДЕЛО. ТРУД ИСКАТЕЛЯ ЗДЕСЬ НАПОМИНАЕТ РАБОТУ ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧИКА, А ПОРОЙ И СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА.

КАК ПОПАЛА В НИЖНИЙ ТАГИЛ «МАДОННА», ПОДПИСАННАЯ ИМЕНЕМ РАФАЭЛЯ, И КАКОВЫ ПЕРИПЕТИИ ЕЕ СЛОЖНОЙ, ЗАПУТАННОЙ, ПОХОЖЕЙ НА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН, ИСТОРИИ?

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА СТРОКАМИ БУМАГ ПУШКИНСКОГО ЗНАКОМОГО И. П. ЛИПРАНДИ, ОБНАРУЖЕННЫХ НА ПОЛКАХ МУЗЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ?

ПРАВДА ЛИ, ЧТО ШИЛЛЕР ИЗДАЛ КНИГУ СВОИХ СТИХОВ В ТОБОЛЬСКЕ, В 1782 ГОДУ, А ЕСЛИ ЭТО МИСТИФИКАЦИЯ, ТО ЧЕМ ОНА ВЫЗВАНА?

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ СОЗДАННЫЙ НА УРАЛЕ ЗАДАЧНИК В СТИХАХ, О КОТОРОМ ПИСАЛ Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК В СВОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ О ДЕТСТВЕ?

КАК ОКАЗАЛАСЬ В КРЕМЛЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ В. И. ЛЕНИНА БРОШЮРА, ИЗДАННАЯ В ПЕРМИ В 1918 ГОДУ, В ОСТРЫЙ МОМЕНТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

ВЕРНО ЛИ ПОДОЗРЕНИЕ, ЧТО НА «АВТОПОРТРЕТЕ НЕИЗВЕСТНОГО» ИЗ ФОНДОВ ПЕРМСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ИЗОБРАЖЕН ПОПУЛЯРНЫЙ НЕКОГДА НА УРАЛЕ ЧЕЛОВЕК, БЫВШИЙ ОДНОВРЕМЕННО АКТЕРОМ, ХУДОЖНИКОМ, ФОТОГРАФОМ И ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ? НЕ

ПОМОЖЕТ ЛИ ТУТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА?

КТО, КОГДА И КАК НАШЕЛ «БОЛЬШОЙ ТРЕУГОЛЬНИК» — САМЫЙ КРУПНЫЙ ИЗ НАЙДЕННЫХ В РОССИИ ЗОЛОТЫХ САМОРОДКОВ, НЫНЕ ХРАНЯЩИЙСЯ В АЛМАЗНОМ ФОНДЕ СССР? КАКОВА СУДЬБА ЭТОГО САМОРОДКА И НАШЕДШЕГО ЕГО ЧЕЛОВЕКА?

ЭТИ И ДРУГИЕ, ПОДОБНЫЕ ИМ, ВОПРОСЫ И УВЛЕКЛИ АВТОРА ЭТОЙ КНИГИ НА ПОИСКИ, ПОХОЖИЕ ИНОГДА НА ЗАПУТАННЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ. БЫВАЛО, ЧТО ЗДЕСЬ, КАК И У ПОЭТА, «В ГРАММ ДОБЫЧА, В ГОД ТРУДЫ», НО В РЕЗУЛЬТАТЕ ИХ ПРИОТКРЫТЫ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОШЛОГО НАШЕГО КРАЯ, ПРОТЯНУТЫ НИТОЧКИ К НОВЫМ ПОИСКАМ, КОТОРЫЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ПРОДОЛЖИТЕ И ВЫ, ЧИТАТЕЛЬ.

Приключения «Мадонны»

ЛЕТОМ 1971 ГОДА В СВЕРДЛОВСКУЮ КАРТИННУЮ ГАЛЕРЕЮ с большими предосторожностями был доставлен тщательно упакованный плоский ящик. Встречать его как почетного и долгожданного гостя, вышел весь наличный состав сотрудников. Еще бы — в нем вернулась на Урал, на место своего второго рождения, картина, судьба которой поистине удивительна, во многом загадочна и, безусловно, замечательна. Она долгое время была объектом жарких споров, так и не приведших к единому решению, почему и хранилась более сорока лет в запасниках одного из московских музеев.

А история картины началась... Впрочем, начать ее нужно, пожалуй, не с самого начала, а с одного, сравнительно недавнего эпизода этой истории, которая насчитывает уже более четырех с половиной веков.

НИЖНИЙ ТАГИЛ, 1924

Сейчас уже трудно восстановить в точности и со всеми деталями, как это произошло — свидетели не дожили до наших дней и письменных показаний своих не оставили, а газетные заметки того времени очень разноречивы. Но выглядело это примерно так.

...В марте 1924 года в Нижнем Тагиле завхоз металлургического треста Иван Васильевич Колеватов заглянул в кладовую одного из принадлежащих тресту домов, где раньше останавливались видные гости старых заводовладельцев, и увидел там грязную, закопченную доску. Вначале он принял ее за обломок столешницы, но, заметив на ней следы живописи, решил, что перед ним икона.

Колеватов и сам не придал значения своей находке и, вероятно, выбросил бы ее, как выбрасывали тогда на свалку тысячи икон, не задумываясь об их возможной художественной ценности, но тут помог случай. Дело в том, что в этом же доме завхоз тогда же обнаружил ценные вещи и картины и сообщил о них директору недавно созданного и еще не открытого краеведческого музея Александру Николаевичу Словцову. Словцов же, хотя и не был искусствоведом, да и музейным работником-то стал лишь недавно, однако, может быть, именно поэтому отнесся ко всему найденному, в том числе и к невидной доске, с особенным вниманием и забрал все в музей.

В музее он обтер доску от грязи влажной тряпкой, а через несколько дней, подумав, решился осторожно промыть ее. Промыл — и... По оборке ворота платья какой-то женщины, по-видимому, католической мадонны, засверкали золотые буквы:

RAPHAEL URBINAS PIN...

Дальше надпись обрывалась — доска оказалась лишь обломком иконы или картины. Словцов ахнул: подпись великого мастера Возрождения Рафаэля! Хотя и не специалист, он все же понимал, что открытие новой картины Рафаэля — сенсация мирового масштаба, переоценить которую невозможно. Поэтому сразу же отправил немногословное, но ликующее сообщение в Главнауку, ведавшую тогда всеми музеями страны.

Увы, как ни странно, ответа не последовало, сенсации не произошло. Заметки в местных газетах хотя и были сенсационными по тону, но прошли как-то незаметно.

Это, пожалуй, и понятно. Массовый читатель привык к тому, что в эти годы из частных собраний бежавших от революции богачей извлекались сокровища, одно ценней другого. А узкий круг специалистов в свою очередь привык к тому, что на местах, в провинции, увлеченной примерами подобных открытий, в каждой старой картине видели сенсацию — то Леонардо да Винчи, то Тициана, то Рембрандта, а чаще всего почему-то Рафаэля. Желаемое выдавалось при этом за действительное, но не из корысти, конечно, а чтобы не пропустить, спасти для культурной сокровищницы страны все художественные ценности, рассеянные ранее в частных руках, а потому скрытые от народа.

Но Александр Николаевич Словцов упорно продолжал считать свою находку сенсационной.

А, собственно говоря, почему бы и не быть Рафаэлю в Тагиле?! Взгляните-ка на то, что уже удалось собрать молодому музею: холсты Брюллова и Корреджо, мрамор Кановы и Шубина... И это все, вне всяких сомнений, подлинники, а не копии или там подделки. Отчего бы в этой знатной компании не оказаться и Рафаэлю?

Бережно (но все-таки, конечно, неумело) отмытую доску выставили в музее в день его открытия — 31 марта — для всеобщего обозрения. Тагильчане охотно ходили, смотрели, но, кажется, не столько дивились находке — о сокровищах деми-

довских хором было ведано и раньше,— сколько гордились ею, уверенные к тому же, что «у нас еще и не то найтись может», хотя, казалось бы, куда еще дальше Рафаэля может завести самая заманчивая мечта...

Дивились больше другому: почему это картина-то не вся — видно же, что только одна часть ее. А где другая?

Словцов и сам не знал. Ту кладовую, где была найдена доска, он уже не раз обшарил самым тщательным образом. Обследовал — тоже безуспешно — и другие помещения этого дома по улице Тагильской.

И все же продолжение не заставило себя ждать. Оно явилось в музей спустя несколько месяцев в руках того же И. В. Колеватова, который горделиво считал себя (и не без основания) соучастником сенсационного открытия. Однажды он с сияющим видом вошел в кабинет Словцова и торжественно положил на стол нечто, бережно завернутое в холстину.

— Вот... Думаю, однако, что Рафаэль это наш. Остаточек...

Как он объяснил, принесенная доска была найдена в каком-то сарае уже совсем другого дома.

Новую доску наскоро обиходили и приложили к той, музейной. И обрадованно вздохнули — да, это была вторая, недостающая часть картины. Стало возможно прочесть и конец авторской подписи, выведенной на вороте платья мадонны:

RAPHAEL URBINAS PINGEBAT MDIX,

то есть Рафаэль Урбинский писал в 1509 году.

Ну какие же еще теперь могут быть сомнения?! И Словцов с новой силой стал пробивать в люди «Тагильскую мадонну» — слал письма в область, в Москву... Увы, ответом и на этот раз было молчание, если не считать нескольких новых заметок в местных газетах.

И лишь в августе 1925 года профессор И. Э. Грабарь, ехавший по заданию Главнауки в Северное Прикамье, решил, хоть и не без досады на крюк, завернуть в Нижний Тагил. Он уже давно знал, что там найден якобы подлинник Рафаэля, но, как он сам писал впоследствии, «так как из провинции не раз уже приходили подобные сенсации, то и этому известию никто не придавал особой веры». И далее: «Когда в холодную дождливую ночь я ехал... с Тагильского вокзала в город, проклиная это вынужденное и явно нелепое путешествие, у

меня не было никаких иллюзий насчет предстоявшего мне наутро посещения местного музея, где находился новоявленный «Рафаэль»...»

Выдающийся знаток и исследователь русского и зарубежного искусства, сам знаменитый художник, Игорь Эммануилович знал цену истинным открытиям, и его скепсис можно было легко понять. Далекий Урал, какой-то Тагил... Откуда тут быть Рафаэлю?

Однако, только еще войдя в музей, он вынужден был сменить маску корректного скепсиса на столь же корректно скрытое удивление. Мраморный бюст Демидова работы знаменитого Антонио Кановы, одного из основоположников академического классицизма, великолепный портрет Авроры Шернваль, известной петербургской красавицы пушкинской поры, кисти великого Карла Брюллова, полотна старых итальянских мастеров, среди которых — смотрите! — Корреджо!..

Грабарь, конечно, знал о колоссальных художественных богатствах, собранных владельцами Тагильских заводов Демидовыми во Флоренции, Париже и Петербурге, но кто бы мог подумать, что они потащат такие сокровища в какой-то Тагил, где сами бывали один-два раза в жизни наездами, а то и совсем не заглядывали туда!..

— Так где же ваш... гм... Рафаэль? — осведомился профессор, оглядывая зал.

Его подвели к прислоненной к стене доске, уже склеенной и отмытой от грязи. Поправив пенсне, Грабарь уселся на предупредительно подставленный ему стул, окинул картину общим цепким взглядом знатока и углубился в детальное обозрение ее.

На ней была изображена прекрасная юная женщина-мать, поднимающая кисейное покрывало над постелью только что проснувшегося младенца. В ее взгляде — любовь и нежность, умиротворенное счастье материнства и вместе с тем как бы затаенная печаль заботы о будущем сына. Еще чуть сонный, младенец узнал мать и обрадованно тянет к ней ручонки. Несколько сзади женщины, в тени, стоит, задумчиво опираясь руками на посох, немолодой бородатый мужчина, с благоговением взирающий на этот трепетный, выхваченный из вечности миг материнского счастья.

Этот волнующий сюжет подан, как бы сказать, в религиозном аспекте — здесь не просто счастливая семья, а «святое семейство»: богородица (по-итальянски мадонна), младенец

Иисус и его отчим Иосиф. Но хотя это, говоря попросту, икона, сюжет ее свят народам всех вероисповеданий и всех времен не принадлежностью к скрижалям библейской истории, а сокровенной близостью к их собственной — каждого человека — жизни.

...Грабарь с нарастающим интересом вглядывался в детали живописи, особенно в подпись.

Сотрудники музея, правда, смотрели в этот момент не на картину, а на лицо профессора — что отражалось на нем. Что-то он скажет об их Рафаэле?

Наконец Грабарь повернулся к присутствующим в зале. Что же, эту картину он... знает.

Знает?!

Как же ему было не знать этот всемирно известный шедевр, описанный каждым мало-мальски серьезным биографом великого художника Возрождения? Знал он и историю картины, о которой писал, что она «так сложна, отдельные эпизоды ее полуфантастической судьбы до того запутаны, и в них столь явно переплетена действительность с вымыслом, что рассказ о ней скорее похож на увлекательный, захватывающий роман, нежели на объективную хронику. Действующими лицами этого романа являются папы, кардиналы, императоры, короли, знатоки и любители искусства, наряду со специалистами и шарлатанами. Главная героиня его не живое существо, создание человеческого гения, интригу ведет не женщина Возрождения — обаятельная и властная, сердечная и жестокая, наивная и лукавая, а «мадонна», не менее обаятельная и властная, покоряющая, гипнотизирующая, толкающая на лукавство, обман, вероломство и преступления, среди которых она внезапно исчезает, чтобы навеки кануть в неизвестность».

Трудно сказать об этом лучше! Но, увы, роман такой до сих пор не написан. Создана лишь канва для него, правда, тоже увлекательная и захватывающая — в виде той объективной хроники, о которой говорилось выше. Хроника эта представляет собой большую статью И. Э. Грабаря «Мадонна del Popolo» Рафаэля и «Мадонна с покрывалом» из Нижнего Тагила», опубликованную в 1928 году во втором сборнике Центральных государственных реставрационных мастерских «Вопросы реставрации».

Как-то неловко и даже обидно излагать своими словами эту мастерски поданную хронику, но что делать, если она публиковалась лишь однажды в сугубо специальном сборнике, давно уже ставшем библиографической редкостью...

РИМ, 1509 — ЛОРЕТО, 1797

Была в прошлом эпоха, оставившая яркий след в истории человечества. Ее назвали Ренессансом, или, по-русски, Возрождением. Это и в самом деле было возрождением красоты и силы человеческого духа после схоластики и аскетизма средневековья, поры духовной диктатуры церкви, когда наступил блестящий расцвет науки, литературы и искусства. Гуманизм — культ Человека стал их ведущей темой. Поэты, философы, музыканты, художники, каждый по-своему, воспевали неисчерпаемые богатства духовных сил человека, красоту природы — вечного источника жизни. Ф. Энгельс сказал, что это была эпоха, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Одним из таких титанов и был Рафаэль Санцио, родом из городка Урбино.

В 1508 году он, еще молодой — двадцатишестилетний,— но уже известный художник переселился из Флоренции в Рим. Его земляк из Урбино, архитектор и художник Браманте, строивший по заказу папы Юлия II новые залы его дворца — Камера делла Сеньятура, уговорил папу доверить фресковую роспись этих зал входящему в славу молодому dipintore de Florenza, то есть «живописцу из Флоренции», как подписывал тогда свои картины Рафаэль.

Рафаэль молод, красив, беспечен, не беден (хотя и не богат), полон сил и творческих порывов. Во Флоренции он — одно из светил, завален выгодными заказами, но Рим, эта caput mundi (глава мира), художественная столица Европы, пышный папский двор, избранное общество поэтов, музыкантов, художников, архитекторов и ученых, среди которых такие титаны, как Микельанджело и Леонардо да Винчи,— как не бросить все ради возможности работать там!

Баловень судьбы, он и здесь быстро добился успеха. Прошло лишь несколько месяцев, а Рафаэль — уже любимый

художник папы, официально провозглашенный **живописцем папского двора**. Юлий II, деятельно покровительствовавший искусствам, восхищен первыми же его работами. Он приказал сбить все уже законченные и незаконченные росписи, сделанные ранее в Камере делла Сеньятура, чтобы заполнить их фресками Рафаэля. Мало того, папа оказывает новому любимцу высший знак внимания — позирует ему для портрета. Рафаэль с увлечением отдался работе, и портрет Юлия II стал одним из высших достижений его кисти.

Слава, обеспеченность, любовь, преданность учеников, уважение коллег — все это шло, как в золотом сне. Не омраченная заботами, приподнятая от успехов и от сознания своей силы душа художника вдохновенно пела...

Именно в это-то время, если верить дате на подписи, и была создана картина, ставшая известной миру под именем «Мадонна дель Пополо».

...Значит, Грабарь мог видеть эту картину?..

— Да... И не одну,— мог бы ответить, улыбаясь, Грабарь, глядя на изумленные лица собеседников.

Я не знаю, рассказывал ли он тогда, в Тагиле, то, что, безусловно, мог бы рассказать и что рассказал потом в своем уже упомянутом выше труде.

Да, он видел не одну такую картину — то точь-в-точь похожую, то с незначительными вариациями в деталях. Но ни об одной из них искусствоведы не могли сказать точно, что именно ее писала кисть Рафаэля. Дело в том, что...

...Когда и как эта «Мадонна», вместе с написанным тогда же портретом Юлия II, оказалась в церкви Санта Мария, что на улице Пополо в Риме, теперь уже выяснить трудно, если не невозможно. Но в конце 1540-х годов обе картины видел там автор известных «Жизнеописаний» мастеров Возрождения, архитектор, живописец и историк искусства Джорджо Вазари. Они мирно висели в этом небольшом, но богатом монастырском храме, вызывая восхищение ценителей искусства. «Madonna del Popolo» считалась одним из чтимых шедевров Рима.

Однако, спустя еще полвека, ни «Мадонны», ни «Юлия II» в этой церкви уже не было. Их судьбу раскрыла обнаруженная много лет спустя приписка на полях книги Вазари, сде-

ланная рукой Александро Тассини — юриста папского двора и знатока многих его тайн. Отчеркнув строки, в которых сообщалось об этих картинах, Тассини, безусловный свидетель всех важных событий тех лет, писал: «Обеими названными картинами в 1591 году, во времена Григория XIV, почти насильно, при всеобщем негодовании Рима, завладел племянник папы, кардинал Сфондрато, давший взамен монастырю нищенскую сумму в сто скуди».

Что же, в короткое и позорное папство Григория XIV, как известно, и не то еще бывало. А всесильный Сфондрато, уже через две недели после избрания дяди на папский престол ставший фактически регентом государства, даже не видел в таком изъятии ничего зазорного: своя рука — владыка.

Но дядя-папа недолго восседал на престоле, меньше года — в октябре 1591 года умер. Кардиналу Сфондрато пришлось уйти в тень — принять епископскую кафедру сначала в Кремоне, а потом в Альбано. Однако с благоприобретенными шедеврами он, конечно, не расстался — еще в 1595 году их видел у него германский посол Корадуш. Видел и даже пытался, по поручению своего императора, прицениться к ним. Но кардинал заломил такую цену, что император, стесненный в то время в средствах, вынужден был отказаться от мечты видеть эти картины в своей галерее.

И вот тут наступает момент, когда достоверные следы картин из собрания Сфондрато, в том числе «Мадонны дель Пополо» и портрета Юлия II, теряются. Корадуш был последним свидетелем, который мог утверждать, что видел именно их, а не копии или подделки.

В 1618 году Сфондрато умер, имущество его по завещанию досталось кардинальской церкви св. Цецилии. Но картин там не оказалось — они исчезли!.. То ли оборотистый кардинал сумел сплавить их кому-то, то ли монахи распорядились ими по-своему, то ли... кто знает, куда еще делись они.

Век с лишним о них, как говорится, не было ни слуху, ни духу. Но вот одна из картин как будто явилась на свет божий из неизвестности. В 1717 году в ризницу Санта Каза небольшого (тысяча жителей) анконского городка Лорето поступила завещанная богатым римским патрицием Джироламо Лотторио картина, изображающая уже знакомый нам сюжет — мадонну и Иосифа над постелью проснувшегося Иисуса.

Надо сказать, что Санта Каза (святой дом, хижина) представляла собой одну из особо чтимых святынь католического

мира. Согласно легенде, хижина, в которой некогда жила мать Иисуса Мария, в 1295 году была перенесена сюда ангелами из Назарета. Но ко времени, о котором у нас сейчас идет речь, хижина эта уже представляла собой облицованное снаружи мрамором небольшое палаццо, а внутренность ее — богато отделанный зал с роскошным алтарем и изображением мадонны, украшенным золотом и самоцветами. Старые энциклопедии утверждают, что число паломников в Санта Каза доходило до 200 тысяч человек в год.

После этого станет понятной и надпись, сделанная честолюбивым патрицием на крышке футляра, в котором хранилась картина:

«Живописцев князя
Рафаэля Санцио Урбинского
произведение,
которое Иероним Лотторий Римлянин
святому дому Лоретскому в наследство оставил
на вечное поминовение благочестивого жертвователя,
с соизволения папы Климента XI
помещено в Лоретской ризнице
в 1717 году».

Двести тысяч человек ежегодно должны были, по расчетам Лотторио, поминать благочестивого жертвователя!

Но и святая хижина, окруженная ежедневно тысячами паломников, не спасла «Мадонну» от нового приключения. Если еще в 1749 году о прекрасной «Мадонне» Рафаэля, виденной в Санта Каза, писал один из путешествовавших по Италии знатоков искусства, француз Кошен, то всего лишь восемь лет спустя другой знаток, Боттари, не заметил там Рафаэля. Еще один искусствовед, описавший Лоретскую ризницу в 1766 году, картину заметил, но отозвался о ней, как о плохой копии, выдаваемой за Рафаэля.

«Мадонну» подменили?! Когда, кто, почему?

Затем выплыли еще более пикантные подробности. Выяснилось, что если даже картина, пожертвованная Дж. Лотторио, и была оригиналом Рафаэля, то за годы пребывания в Лоретской святой хижине она подменялась еще не один раз, причем иногда даже картиной с несхожим сюжетом.

В чем тут дело, сказать сейчас трудно. То ли хитрые монахи запрятали безопасности ради драгоценную картину от глаз новоявленного Сфондрато, точившего на нее зубы. То ли нашелся выгодный покупатель, не постоявший за ценой, и слуги богоматери решились тайно продать ее, а оригинал заменили копией. Так или не так, но «Мадонна дель Пополо», исчезнувшая в 1590-х годах и воскресшая в 1717 году как «Мадонна ди Лорето», снова канула в неизвестность. Правда, в конце XVIII века она как будто опять явилась миру, но та ли это была картина, мы не знаем. Может быть, и та самая, извлеченная к тому времени из тайников Санта Каза и снова уложенная в ореховый футляр с дарственной надписью Джироламо Лотторио.

...На этот раз дело обстояло так.

В 1796 году главнокомандующий французской экспедиционной армией в Италии бригадный генерал Наполеон Бонапарт (тогда еще не император и даже еще не консул), разгромив армию противника, заключил с папой Пием VI перемирие в Болонье. В числе суровых условий перемирия, продиктованных Бонапартом, наряду с традиционной в таких случаях контрибуцией (21 миллион ливров), стояло и такое, несколько необычное, условие: победители получали право вывезти во Францию по своему выбору 100 произведений искусства и 500 ценных рукописей.

В Лоретскую Санта Каза французские эксперты направились в первую же очередь. Монахи и папа тянули дело, как только могли, спасая сокровища ризницы, но в конце концов вынуждены были вывезти ценности в Рим, где уже готовился к отправке в Париж транспорт с награбленными по всей Италии сокровищами.

О том, что было потом, рассказал свидетель эвакуации ценностей немецкий художник Реберг. Он записал: «Перед отправкой в Париж «Мадонну» можно было видеть во Французской академии в Риме, где ее с величайшей старательностью упаковали вместе с другими произведениями искусства...» Но читайте дальше! «...При вскрытии в Париже ящика, в котором она находилась, вместо оригинала была найдена неукрепленная и поврежденная копия, причем все поиски, предпринятые с целью выяснения и отыскания оригинала, оказались безуспешными».

Грозил разразиться большой скандал, чреватый последствиями как для одной, так и для другой стороны. Но именно поэтому, пожалуй, он и не разразился. Сановники Ватикана, знали они истину или нет, в любом случае предпочитали делать вид, что ничего не знают. А французским чиновникам, ведавшим эвакуацией картин, тоже было невыгодно поднимать шум, ибо ответственность перед своими властями за пропажу нести пришлось бы в первую очередь им.

Так это и осталось загадкой истории — как и куда исчезла картина (можно считать — в т р е т и й р а з!).

Возможно, что к ее исчезновению был причастен папский генерал Колли. Когда «Мадонну» привезли из Лорето, именно он поместил ее пока, до отправки, в Палаццо Браски — дворец своего друга, любимого племянника папы (ох уж эти папские племянники!), князя Браски. Правда, на некоторое время картину выставили в зале Французской академии, откуда она и должна была попасть в транспортный ящик, но поскольку, как мы знаем, в ящик попала не она, то не вернулась ли картина тайно во дворец князя Браски?

С другой стороны, нетрудно предположить, что и среди французских чиновников, ведавших отправкой картин в Париж, тоже могли оказаться ц е н и т е л и и с к у с с т в а, знающие художественную и рыночную цену шедеврам знаменитого Рафаэля.

В любом из этих случаев возникает один каверзный вопрос. В Лорето, как свидетельствовали очевидцы, «Мадонна» еще в первой половине XVIII века была подменена. Может быть, даже не один раз. Но если там была лишь «плохая копия», то почему же при отправке в Париж исчезла и м е н н о о н а, одна из всего собрания итальянских ценностей?!

Было тут и еще одно странное привходящее обстоятельство: «Мадонна ди Лорето» не ч и с л и л а с ь в списке картин, отобранных французами в качестве контрибуции, хотя и должна была отправиться вместе с ними. Почему? Оказывается, ее купили в порядке частной с д е л к и для «Наполеоновского музея» в Париже, где к тому времени собралось уже около сорока произведений Рафаэля (и, конечно, не его одного). Тем, пожалуй, обиднее была пропажа, концы которой французским властям так и не удалось найти.

Чтобы сгладить конфуз, пришлось выставить в музее то, что обнаружили в ящике, и выдать это за подлинник. Но соседство с подлинными шедеврами Рафаэля было столь не-

выгодно для плохонькой копии, что через несколько лет ее поспешили сплавить в какой-то моиастырь под Парижем.

А в Лувре вместо нее появился... еще один экземпляр той же «Мадоины». Его привез в Париж некий участник итальяиского похода французской армии и уступил в 1816 году королю Людовику XVIII, сменившему Наполеона иа посту главы государства, за 80 тысяч франков. Король был доволен — неуловимая «Мадониа ди Лорето» попала-таки в Лувр.

Но увы, и здесь произошла осечка. В 1848 году (когда, кстати, Людовика XVIII уже ие было в живых, а смеиивший его на престоле герцог Орлеаиский был свергнут июльской революцией), искусствовед Ваагеи подверг этот экземпляр, 32 года выдаваемый за подлинник, уничтожающей критике и безоговорочно доказал, что это всего лишь чья-то плохая копия.

Опять копия! Пришлось и этой «Мадонне» переселяться сначала в зал копий, а затем и совсем убраться в подвальные запасники музея.

ПРЕТЕНДЕНТ № 47

На этом кончаются более или менее достоверные сведения об оригинале этой «Мадонны» Рафазля. Как ни запутаииа его судьба, ее все-таки можно как-то проследить. Но зато далее начииается такое, когда вся история запутывается уже до пределов возможного.

К средине XIX века картииы Рафазля стали уже не только объектом любования и восхищения, ио и объектом серьезного изучения специалистами. Искусствоведы разве что не обиюхивали каждый сантиметр произведения великого мастера и писали трактаты не только о картиие в целом, ио даже и о какой-нибудь детали ее, а историки искусства раскапывали в архивах мельчайшие подробности истории создания произведения и прослеживали каждый день его судьбы.

Вот тогда-то и выяснилось удивительное обстоятельство, которое и запутало все до крайности. Оказалось, что, хотя судьба подлинника «Мадоииы дель Пополо — ди Лорето» и продолжала оставаться неизвестиой, за эти годы по музеям Европы и частным собраниям блуждало изрядиое количество картин, выдаваемых то за оригииал, то за копию этого произведения. Число их все росло. К 20-м годам нашего столетия было под-

считано, что в разное время в разных источниках упоминалось о 46 произведениях на этот сюжет, и чуть ли не любое из них *могло* оказаться подлинником.

Правда, судьба большинства из них неизвестна, поэтому иные могли проходить в списке претендентов по два, а то и по три раза. К тому же, то, что некогда считалось подлинником, могло впоследствии оказаться копией, и наоборот. Таких случаев в истории искусства отмечено достаточно.

Трудности в установлении истины усугублялись еще и тем, что те, кто несомненно видел подлинник, описали его очень уж скупо, а это давало и дает возможность разным истолкованиям. Вот что, например, писал Вазари, кажется, единственный человек, о котором *точно* можно сказать, что он был лицом к лицу с оригиналом.

«...Изображено рождение Христа, где есть мадонна, накрывающая сына кисеей; последний до того прекрасен, что как по выражению головы, так и по всему облику сразу видно его божественное происхождение. Не менее младенца прекрасна голова и взгляд самой мадонны, в которой, наряду с высочайшей красотой, просвечивает приветливость и благочестие. Тут есть и Иосиф, который, опираясь обеими руками на посох и задумчиво углубившись в созерцание царя и царицы небес, стоит с удивлением святого старца».

Вот и гадай после этого, что это была за картина — под такое описание подойдут десятки картин на сюжет «Святого семейства» самых разных художников. Из слов Вазари нельзя даже узнать, на чем написана картина — на холсте или на дереве (а среди претендентов на подлинник были и такие и этакие), каковы ее размеры (встречались и маленькие и большие), был ли, например, на фоне пейзаж, и так далее, и тому подобное.

Вот почему почти любая из 46 картин могла оказаться и подлинником. Ведь если об одних из них сохранились более или менее подробные описания, то о других есть лишь краткие упоминания вроде такого: «В 1847 г. маркиз Спинола продал королю Альберту Саксонскому экземпляр «Мадонны», с давних пор находившийся в его дворце в Генуе и считавшийся им оригиналом Рафаэля». Или еще короче: «В XVIII в. была в галерее герцога Мальборо в Бленеме».

Судьбы некоторых экземпляров интересны и сами по себе. Тут есть все: и неожиданные сенсационные открытия то в княжеском дворце, то в пыльной кладовой домика ветерана

наполеоновских войн, то в захолустном монастыре; и случайные приобретения антикваров; и прямо-таки детективные истории с похищениями, подделками, подменами, загадочными исчезновениями в одном месте и не менее таинственными появлениями в другом...

И вот — сорок седьмой экземпляр все той же «Мадонны», носившей в разное время разные имена: то «дель Пополо», то «ди Лорето», то «Санта Каза», то «с Иосифом», то «с покрывалом», то какие-то еще другие.

Что это — еще одна дутая сенсация, еще одна подделка, чья-то второстепенная копия? Или, может быть, наконец-то сам оригинал или пусть хотя бы авторское повторение?

Дать четкий и точный ответ сейчас, в Тагиле, конечно, невозможно. Уже хотя бы по одному тому, что доску эту называть картиной пока еще просто неловко — в таком ужасном состоянии находится она. Впоследствии Грабарь так охарактеризует ее вид:

«Картина... находилась в состоянии крайнего разрушения. Глядя на ее красочную поверхность, можно было подумать, что либо ее намеренно калечили каким-то железным орудием, либо по ней просто ходили, как по полу, в сапогах, подбитых гвоздями, иначе трудно себе представить, каким образом могли получиться столь невиданные, чудовищные ранения. Всевозможные утраты, обычно встречающиеся в отдельности на старинных памятниках живописи, были собраны здесь воедино, словно только для того, чтобы можно было с исчерпывающей полнотой демонстрировать все их мыслимые разновидности — кракелюры * и выпады левкаса **, обнажение дерева, выпады красок и обнажение левкасной поверхности, ранения красочной поверхности, кракелюры последней и, наконец, кракелюры и ранения лаковой поверхности...»

Позднее установили также, что сама доска была изъедена шашелом (древесным червем) — ходы его виднелись и на поверхности, а нижние углы доски превратились в пористую губкоподобную массу; что шпоники, скреплявшие половинки доски, отсутствовали и доска от этого выгнулась горбом; что сзади в доску забили три гвоздя с большими шляпками и расщепили дерево.

---

* *Кракелюры — трещины.*

** *Левкас — грунтовой слой, основа, по которой пишет художник.*

Но что бы это ни было — оригинал, копия, подделка, — «Мадонну» прежде всего надо спасать.

— Картину придется везти в Москву,— заключил Грабарь.

ОПЕРАЦИЯ «МАДОННА»

В августе 1925 года в Москве у той же доски стал собираться цвет отечественного искусствоведения и реставрации. В Центральной государственной реставрационной мастерской, куда была привезена картина, в те дни перебывали многие — такие знатоки, как П. И Нерадовский, Н. И. Романов, Н. П. Сычев, Д. А. Шмидт, А. И. Анисимов, мастера реставрации В. Н. Яковлев, Д. Ф. Богословский, Г. О. Чирков. Специально созданная комиссия разрабатывала план восстановления картины.

Это была сложная операция, и ее продумывали до мельчайших деталей. Взвешивались все за и против того или иного метода, того или иного приема, состава, инструмента. Чинный обмен мнениями нередко сменялся экспансивными спорами. Протокол комиссии пополнялся предложениями, запасными вариантами, замечаниями, предостережениями...

Надо сказать, что готовым планом дело не ограничилось. Как и во всякой операции, скажем, военной или хирургической, все заранее предусмотреть невозможно. В ход событий при ее проведении врывались неожиданности, когда надо было принимать срочные и ответственные решения.

Окончательно разработанным, согласованным и утвержденным после многократного обсуждения планом предусматривались прежде всего меры для предохранения левкасного и живописного слоя от всяких случайностей — грунт местами отпучивался вместе с живописью и в любую минуту мог осыпаться.

В это время над картиной реставраторы работали, можно сказать, не дыша, с величайшей осторожностью оберегая каждый квадратный миллиметр живописи.

Затем, когда к картине можно стало прикасаться, не опасаясь, что с нее упадет хотя бы микроскопический кусочек краски, мастера приступили к самой доске. В Тагиле ее половинки были склеены кустарно и неумело, пришлось разъединить их, расчищать не только этот, новый, слой клея, но и

следы давних склеек, и уж только тогда скрепить заново по всем правилам реставрационного искусства — специально сваренным крепким осетровым клеем. Ну конечно, были заделаны и все механические повреждения дерева — ходы червяшашела, следы гвоздей и тому подобное.

Это все было, собственно говоря, лишь подготовительной фазой операции: созданием условий для дальнейших действий:

А дальнейшие действия составляли одновременно и реставрацию картины и ее глубинное (в прямом и в переносном смысле слова) изучение. И здесь каждый шаг приносил неожиданности, ибо был шагом в неизвестное.

С картины удалили лаковый слой, впитавший в себя грязь и копоть, побуревший и местами уже разложившийся. И не один — слоев таких, нанесенных в разное время, обнаружилось несколько. И тогда общий исчерна-коричневый тон картины волшебно преобразился. «Зелено-бурая мантия мадонны оказалась синей, красно-коричневый хитон — розово-вишневым, желто-красные лица мадонны и младенца — бело-розовыми, черная драпировка — зеленой, желто-коричневая простыня — белой».

Впрочем, волшебной эта метаморфоза показалась бы только непосвященному наблюдателю — опыт реставратора позволил видеть сквозь искажающий слой лака истинные краски. Собственно, Грабарь в приведенных выше словах предсказал то, что он ожидал увидеть и увидел потом.

Но этот толстый лаковый слой, удалить который стоило больших трудов, сослужил и добрую службу: когда его сняли, то исчезли почти все царапины и неглубокие ссадины — лак, как панцирь, принял их на себя и защитил красочную поверхность.

Теперь реставраторы остались, как говорят, один на один с живописью. Что же она представляла собой?

Во-первых, выяснилось, что эта реставрация, увы, не первая. Одна из них, предположительно, производилась еще в начале XVII века, другая — в конце XVIII, а может, и в начале XIX века. (Возьмем на заметку эти даты — они еще встретятся нам потом.)

То, что следов реставрации было так много, невольно наводит на мысль: в прошлом эта «Мадонна» попадала (и не раз) в серьезные переплеты, приключения с нею бывали и раньше. И приключения явно недоброго характера, связанные

с пребыванием в невежественных руках и в неподходящих условиях. Что за приключения — можно только гадать, но, вероятнее всего, они связаны с похищениями, перепрятыванием и т. д.

Больше всего при этом досталось, пожалуй, Иосифу. От первоначальной живописи его фигуры почти ничего не осталось, разве что клок бороды да прядь волос на голове. Переписаны заново голова, руки, большая часть одежды, фон вокруг головы, даже посох.

Пострадала когда-то и простыня, на которой лежит младенец — она пестрела ч и н к а м и, как и тело самого младенца. К тому же то немногое, что уцелело, когда-то было испорчено одним из прежних реставраторов — оригинал писался темперой, а реставратор использовал масляную краску, которая въелась в первоначальную живопись, р а з д р а ж и л а ее.

Похоже было, что и мантия мадонны, а также драпировка сзади нее тоже погублены — или при каком-то из п р и к л ю ч е н и й, или при какой-то р е с т а в р а ц и и. Но здесь пришло приятное разочарование: под слоем темно-грязной краски обнажилась древняя живопись: «Открылся,— писал Грабарь,— прекрасный изначальный цвет драпировки, собранной в складки и завязанной в левом углу в сложный, декоративный узел. Подготовленная в светлых, почти белых, с сероватыми притенениями, темперных красках, она была сверху пролессирована прозрачными зелеными цветами холодноватого тона». Мантия оказалась ярко-синего цвета.

И далее под позднейшими записями реставраторам стали попадаться куски живописи подлинного мастера. Когда, например, расчистили левую ногу младенца, то вместо «вялого, слишком округленного и бесформенного» большого пальца открылся другой — «энергично и остро прорисованный уверенной рукой».

Но одним из наиболее интересных и приятных открытий было то, что в первоначальной живописи обнаружились п е н т и м е н т и — авторские поправки и изменения. А это очень важно: ведь если умелый копиист сможет еще подобрать точные цвета платья, драпировки, в точности повторить рисунок в целом и в деталях, то написать, скажем, палец сначала в одном повороте, а потом, тут же, переправить в другом — этого копиист, конечно, сделать не посмел бы.

Так, значит, все-таки Рафаэль?

Но... Оставшись наедине с тем немногим, что сохранилось от живописи, нанесенной когда-то впервые на грунт, Грабарь размышлял:

«Что же мы имеем в итоге? — спрашивал он себя.— Из всех... наблюдений, добытых в процессе реставрации картины, следует, что перед нами довольно пестрое сочетание разновременных и разнородных наслоений: изначальной, хорошо сохранившейся живописи, той же изначальной живописи, но уже смытой в большей или меньшей степени, чинок и записей XVII века, чинок и записей XVIII века. Из-за этой технической и качественной чересполосицы ускользает целостное впечатление, ибо трудно, глядя на картину, не видеть режущую глаз бездарную живопись головы и особенно рук Иосифа, дефекты в рисунке рук мадонны или деревянную лепку левого рукава ее. Нужна особая сноровка, чтобы, несмотря на вносимую всем этим какофонию, уметь высмотреть из созданной временем и людьми пестроты то живое и неувядаемое, что сохранилось еще в остатках подлинной живописи».

Но ведь и подлинная — изначальная живопись могла принадлежать не кисти Рафаэля, а чьей-то другой? Нужно проверить каждую деталь на возможность принадлежности ее именно Рафаэлю, то есть провести анализ и стиля, и техники, и даже состава красок.

Вот, например, подпись, выполненная золотом по вороту платья мадонны. Она изначальна, вернее — лежит непосредственно на изначальной живописи платья, спаяна с ней. Но принадлежит ли она самому Рафаэлю? Ведь ее мог сделать и копиист (хотя это маловероятно — ни на одной из известных копий этой картины подписи нет). Мог сделать и тот, кто подделывал картину, желая выдать ее за оригинал (а такие случаи вполне могли быть).

Пришлось провести кропотливейшее, удивляющее своей дотошностью, исследование эволюции подписи Рафаэля по неопровержимо установленным подлинникам: когда, как подписывал он свои произведения, соответствует ли эта подпись особенностям подписей Рафаэля именно в эти — первые римские годы.

Оказалось, что и стиль начертания букв, и употребление формы pingebat (имперфект глагола *писал*) вместо ранней формы pinxit (перфект) соответствует времени и манере мас-

тера. И даже место, где наиесена надпись, можно сказать, излюблеиное Рафаэлем: на многих его картииах она идет по оборке платья мадоины. Вот и в картине 1508 года (наиболее близкой по времени), хранящейся в собрании лорда Каупера под именем «Большой мадонны», оиа тоже выведена золотом в виде орнамента на вороте платья.

Зиачит, Рафаэль?

Но есть еще одна, очень похожая на тагильскую, подпись на большой луврской картине «Святое семейство». А оиа числится как раз среди таких картии, которые, как сделали вывод специалисты, «во всяком случае не являются собственным произведением Рафаэля».

Выходит, еще рано утверждать, что тагильский экземпляр — Рафаэль. Не исключена и подделка.

Однако против подделки говорит одиа, незаметная для неспециалиста, деталь. Дата, указаиная в подписи, во многом меняет дело, усложияет его. Копист ее вообще поставить не мог, ибо обычно в таких случаях указывали дату копирования.

А подделыватель? Как ни страино с первого взгляда, ио он не решился бы поставить имеино этот год, так как сразу же навлек бы на картину подозрение в подлиииости ее. Дело в том, что все искусствоведы считали, что эта «Мадонна» создана Рафаэлем в... 1512 году. И если поверить в иовую дату, то придется пересмотреть многое в биографии художиика и в истории его творчества.

Грабарь и взялся за такой пересмотр. А в итоге пришел к выводу, что дата «1509» ие только «не противоречит данным жизни и творчества Рафаэля. около этого года, ио, наоборот, приобретает сугубую убедительиость»!

И все же ученый не торопится с выводами. Он решает еще исследовать стиль «Тагильской мадоины» и сравнить его со стилем известиых экземпляров ее «сестер» (а изображений их собралось с десяток).

Не вдаваясь в подробности, слишком специальные, чтобы о них можно было рассказать коротко, отметим, что и это исследование убедило Грабаря: тагильский экземпляр не противоречит ни стилю Рафаэля вообще, ни этого периода творчества в частиости.

Особеино помогли Грабарю в этом иайдеииые им подготовительные рисуики, эскизы к картиие, свидетельствующие, что тагильский экземпляр ближе других к стилю Рафаэля этих лет.

Он, например, обратил внимание на поворот головы младенца. На «Тагильской мадонне» и на подготовительном эскизе верхняя губа не пересекается с левой щекой, как на других известных экземплярах этой картины.

Отметил, что правая ножка младенца на эскизе и в тагильском экземпляре спокойно лежит на поверхности постели, а на других экземплярах она энергично вдавлена в мягкую перину, между тем эта энергичность совершенно чужда стилю картин рафаэлевского времени.

Больше того, очищенный от позднейших переписей и записей на тагильской доске большой палец левой ноги младенца оказался именно таким, каким он изображен на подготовительном эскизе!

Мелочи... Но какие важные! Собранные вместе и логически расставленные, они подводят к научно обоснованному выводу.

Подводят, но, увы, еще не дают права на окончательный вывод — предположительных вариантов еще немало.

Как-то утвердилось мнение, будто Грабарь признал, что «Тагильская мадонна» безусловно принадлежит кисти Рафаэля.

Надо прямо сказать, что Игорь Эммануилович Грабарь как истинный ученый не мог сделать такой категоричный, далеко идущий вывод.

Он утверждал лишь следующее:

1) что достоверные следы «Мадонны дель Пополо» теряются до того, как появилась лоретская «Мадонна»;

2) что «из сохранившихся экземпляров... «Мадонны»... самым ранним является, бесспорно, нижнетагильский»;

3) что «тагильский экземпляр — не копия»;

4) что сопоставление тагильского экземпляра с гравюрой, сделанной не по лоретской картине, а по той, что висела в церкви дель Пополо, и с рафаэлевскими эскизами «показывает наиболее тесное родство с ними именно этого экземпляра» и что «существующие копии идут от какого-то иного оригинала»;

5) что «тагильский экземпляр «Мадонны» не только наиболее ранний из сохранившихся, но, быть может, и тот самый протооригинал, который находился некогда в Санта Мария дель Пополо».

«Быть может», но не более!

Грабарь считал, что окончательное решение вопроса может быть дано лишь после того, как будут исследованы на

самом совершенном уровне теории и практики *все* существующие экземпляры этой картины, признаваемые за оригинал или за копии.

Вот это вывод истинного ученого, каким и был профессор, а позднее академик, Игорь Эммануилович Грабарь.

КТО?

А как попала «Мадонна» в Нижний Тагил? Может быть, ответ на этот вопрос поможет прояснить дело?

Грабарь обратился к истории Демидовых — двухсотлетней династии владельцев тагильских заводов. И хотя он использовал только подручные общеизвестные материалы, но и они позволяли сказать, что, пожалуй, *любой* из Демидовых мог оказаться приобретателем картины.

Так, один из первых (точнее — второй) заводовладельцев — *Акинфий Никитич* (1678—1745) — бывал за границей, в Саксонии. Известен был и как заядлый собиратель — во Фрейбурге, например, он приобрел *кабинет минеральных редкостей* и впоследствии весьма приумножил его. Покупал ли он картины — неизвестно; но почему бы ему, скажем, и не купить, если была бы предложена *икона* вполне христианского содержания?.. Можно добавить, что иконы работы завезенных в Невьянск живописцев были известны всему раскольничьему миру — Акинфий любил и знал толк в них.

Никита Акинфиевич (1724—1789) тоже путешествовал по заграницам три года (из них год по Италии, причем в обществе известного впоследствии художника Федота Шубина). За «покровительство искусствам» он даже числился почетным членом Академии художеств. Этот-то уж вполне мог приобрести «Мадонну» — около него всегда крутилась толпа комиссионеров всех мастей. Заметим, что время его путешествия (1771—1773) увязывается со *смутным временем* в судьбе картины.

Еще с большим основанием можно заподозрить в приобретении «Мадонны» его сына, *Николая Никитича* (1773—1828). За границей он жил, пожалуй, больше, чем в России, Назначенный в 1810-х годах посланником во Флоренцию, он обосновался там до конца жизни, скопив в приобретенном им

дворце колоссальную, стоившую миллионы, картнннную галерею. (Заметим, что он поселился в Италии всего лишь через полтора десятка лет после года, когда из ящика, прнготовленного к отправке в Парнж, пропала «Мадонна ди Лорето».)

Не менее вероятной кажется кандидатура и сына посланника, Анатолия Николаевича (1812—1870), купившего себе тнтул нтальянского князя Сан-Донато. Он перевез (на двух судах!) собрание отца в Петербург, где построил для этого специальное здание. Не чуждый славы мецената, Анатолий еще прнумножил эту коллекцию да, кроме того, собрал и свою, в Италии н в Парнже, где у него имелись дворцы...

А мало ли оснований для подозрений дает его женитьба на Матильде де Монфор, родной племяннице Наполеона (дочерн его младшего брата Жерома Бонапарта, бывшего Вестфальского короля)? В конце концов, он мог получить картнну в приданое из тайников с личнымн богатствами Бонапартов, где моглн осесть и шедевры сомнительного (по способу прнобретения) пронсхождення...

Нельзя сбрасывать со счета н его брата, Павла Николаевича, которого Грабарь как-то обошел, лишь бегло упомянув о нем. Хотя при разделе наследства художественное собранне осталось за Анатолием, Павел тоже любил и умел ценить шедевры искусства. Женившнсь на известной петербургской красавице Авроре Карловне Шернваль, он преподнес ей в качестве свадебного подарка поистине королевскнй сюрприз — однн из знаменитейшнх брнллиантов мнра, известный под именем Санси. Его прнобрели у герцогини Беррийской за полмиллиона франков.

Кстати, об этом бриллианте. В его истории есть интересные для нас моменты. Известный знаток алмазов профессор И. И. Шафрановский рассказывает: «В XV веке эта драгоценность, величиной с голубиное яйцо, украшала шлем герцога Карла Смелого. Твердо веря в чудодейственную силу волшебного камня, герцог считал себя застрахованным от смерти на войне. Однако суеверне не помогло. Карл был убит, а алмаз из его шлема вынул вражеский солдат, продавший его за один гульден. Впоследствнн замечательный камень оказался собственностью знатного французского рода Санси, в честь которого и получнл свое название. Один из Сансн, решив поднести алмаз королю, поручнл своему слуге доставить драгоценный подарок к королевскому двору. По дороге в горах слугу убили разбойники, а камень исчез. Санси был так уверен в

непогрешимости своего слуги, что приказал искать алмаз в его могиле. И действительно, камень обнаружили; верный слуга проглотил его. В дальнейшем алмаз украсил корону злосчастного Людовика XVI. Во время французской революции он то исчезал, то появлялся вновь. С 1830 года «Санси» находился в руках герцогини Беррийской...»

В этих скитаниях судьба алмаза могла где-то скреститься с судьбой «Мадонны»; они могли сойтись в одних руках — и у Людовика XVI, и у герцогини Беррийской. Особенно у герцогини. Эта сильная, смелая, авантюристического склада женщина, дочь короля обеих Сицилий Франциска I и жена герцога Шарля Фердинанда Беррийского, после смерти мужа решила в смутные для Франции 1830-е годы возвести на престол своего сына как последнего представителя рода Бурбонов. Она организовывала заговоры, восстания, даже сама принимала непосредственное участие в военных действиях, переодетая крестьянкой, но в 1832 году была поймана и заключена в тюрьму. Однако вскоре ее выпустили, и последующие годы она жила то в Сицилии, то в Венеции, то в Швейцарии. В эти-то годы Павел Демидов и купил у нее бриллиант.

А не купил ли он тогда у этой представительницы итальянских и французских герцогских домов и «Мадонну»? Что сделка скрывалась, это можно понять: потеряв права на принадлежность к правящей династии, герцогиня теряла право и на владение имуществом, числящимся официально за государственной казной. А картина, в отличие от алмаза (личной драгоценности), как раз и могла быть именно таким имуществом. Сделка, стань она достоянием гласности, могла иметь далеко идущие последствия как для герцогини, так и для Демидова. Демидову же, в свою очередь, было, вероятно, лестно поднести молодой жене такой дорогой и таинственный подарок.

Следующий Демидов, сын Павла и Авроры Павел Павлович (1839—1885), как и его дядя, тоже служил дипломатом и тоже приобрел в Италии великолепное имение герцогов Медичи — Пратолино, где подолгу жил и собрал много картин. Говорят, что этот довольно безалаберной жизни человек страдал «припадками тоски, угнетавшей его частыми приступами среди невероятной окружающей роскоши», когда он мог с легкой душой сотворить «невинную, но бешено стоящую глупость».

Разве не могла попасть ему в руки «Мадоина», которую он потом в припадке тоски взял да и отправил «в ссылку» — на Урал?

Следующие Демидовы нас уже ие интересуют, нбо где-то со средины 1860-х годов (а может, и несколько раньше) картина, как полагают, была в Тагиле. Однако и без них возможностей для построения и исследования различных версий набирается много.

Но как же так получилось, что высокоцениая картиа оказалась забытой, заброшеииой и, по сути дела, погубленной?

Грабарь полагает, что поскольку «в описи художественных произведений, сосредоточеныых за 150 лет при Нижнетагильском заводе, ее не значится... следует только одно: картина эта, видимо, не только не считалась Демидовыми исключительиой художественной ценностью, но, напротив того, ей, не придавалось никакого значения, и в течение по крайней мере полустолетия она находилась среди всякого заводского хлама, в полузаброшенной кладовой».

Однако с этим можно поспорить. Да и сам Грабарь на следующей же странице допускает иное толкование — что о картине могли просто забыть: «Забывали же в те времена русские помещики, жившие в Париже и в Италии, не только о замечательных собраниях, хранившихся в их поместьях, но и о самих этих поместьях, интересуясь только доходами с них».

А здесь эта забывчивость, пожалуй, не случайна. Важно отметить, что картина, по утверждению старожилов, никогда не висела на виду ни в одном из покоев Демидовых; во всяком случае, ни в одном из тех, что были доступны обозрению посторонних лиц. Создается впечатление, что с картиной дело нечисто. Один из стариков, потомственный тагильчанин, еще в 1930-х годах прямо заявил мне: «А что тут гадать... икона-то краденая!» Что он знал, я не сумел у него выпытать — старик ссылался на глухоту, но что-то, помоему, он знал. Крали ее, конечно, не сами Демидовы. Они могли купить (или получить в подарок), заведомо зная, что она «краденая» — похищенная или тайно изъятая из какого-то известного собрания.

Но какого?

На картине есть две приметы, которые позволяют строить догадки в этом направлении.

Во-первых, на оборотной стороне доски, к моменту находки ее в Тагиле, сохранились приклеенные обрывки французских газет конца XVIII — начала XIX веков. Значит, возможно, что картина приобретена во Франции (впрочем, она могла быть вывезена из любой другой страны, а во Франции уже переупакована).

Во-вторых, в левом нижнем углу картины в тон общей живописи простыни изображен герб герцогов Орлеанских. Эта приписка относится, вероятнее всего, к XVII веку. Заметим, что один из герцогов Орлеанских был близким родственником герцога Беррийского, а значит, и той герцогини, о которой говорилось выше.

Но все это не больше, чем случайные предположения — приметы не дают оснований для выводов о последнем нетагильском адресе картины. И загадка остается по-прежнему неразгаданной, хотя возможных путей к ее решению много.

Может, например, приоткрыть завесу тайны глубинное изучение архивов герцогов Орлеанских и герцогини Беррийской. Но у кого и когда дойдут до этого руки?..

Разгадка может прийти и не из такого далека. В необъятных демидовских архивах, рассеянных по разным городам страны, хранящихся и в ЦГАДА — Центральном государственном архиве древних актов (10 тысяч «дел»), и в ГИМ — Государственном историческом музее в Москве, и в Ленинградском областном историческом архиве, покоится множество мало кем исследованных документов, могущих пролить свет на эту историю, и в первую очередь — частная переписка Демидовых.

Впрочем, возможны находки и еще ближе, можно сказать, совсем под боком — в Нижнем Тагиле. Личная переписка Демидовых в основном на французском языке, хранящаяся в Тагильском филиале облархива, никем не изучена. А уже известно, что там есть письма и Жерома Бонапарта, и Наполеона III, и других французских аристократов, которые могут быть причастны к истории «Тагильской мадонны».

ОХОТА ЗА КРАСОТОЙ

Прекрасное всегда влекло к себе человека. Искусно выцарапанному на стене пещеры изображению сцены удачной охоты поклонялись древние люди, наши очень далекие предки. Культ

красоты царил в Элладе и Древнем Риме, оставив нам непревзойденные образцы взлетов человеческого гения. И в мрачные годы средневековья, несмотря на насаждаемый церковью аскетизм, не угасла эта врожденная особенность человеческой души.

Расцвет эпохи Возрождения дал нам целую плеяду титанов искусства, их создания волновали и их современников, волнуют и людей нашего времени, и долго еще будут волновать, воспитывая в нас чувство прекрасного, так облагораживающее человека.

Но к этому прекрасному издавна тянулись не только взволнованные глаза почитателей его, но и жадные руки корыстолюбцев. Давно было понято, что произведения искусства не только духовная, но и материальная ценность: раз это совершенно необходимо человеку, значит, это можно покупать и перепродавать. Картины и скульптуры стали объектом купли-продажи, похищений, подделок, вымогательства. И если древние наши предки не продавали и не похищали рисунков, выцарапанных на стенах пещер, то их потомки уже в той же Элладе продавали, покупали и, конечно, похищали мраморные статуи и мозаичные картины.

С годами это стало обычным делом. И чем замечательнее художник и его творение, тем азартнее шла (и идет поныне) охота за ним. Хроника мировых сенсаций хранит на своих страницах скандальные истории похищения шедевров таких, например, как «Джоконда» Леонардо да Винчи, портрет герцога Веллингтонского Франциско Гойи и сотен им подобных — и крупных и мелких.

Похищения осуществлялись и в одиночку, и хорошо организованными бандами.

В Италии это приняло размеры национального бедствия. Как сообщают газеты, за период с 1957 года по 1972 год «из государственных коллекций музеев и церквей Италии украдено более 22 тысяч произведений искусства. Только в 1971 году было похищено 4927 картин и скульптур». По данным римской печати, значительная часть украденных произведений искусства через некоторое время всплывает где-нибудь в США, Англии, Швейцарии.

Не избежал этой судьбы и Рафаэль.

Перепродажа явная и тайная, похищения и подмены настолько запутали историю художественного наследства Рафаэля, что искусствоведы сейчас даже затрудняются определить

точно — что же осталось несомненно подлинного из картин этого мастера.

Картины его терялись на много лет, то оседая в галереях частных замков, то пылясь в чулане дельца-антиквара, рассчитывавшего со временем подороже продать ее, то и в самом деле забытые где-то в кладовой в силу каких-то необычных обстоятельств. Терялись и... находились снова. То в коллекции умершего магната, никого не допускавшего для ее обозрения, то в скромном домике далеких потомков наполеоновского воина...

Странные, порой таинственные истории случались с картинами великих мастеров. Об одном из таких случаев стоит рассказать, ибо он, возможно, связан с судьбой «Тагильской мадонны».

В июле 1970 года римский корреспондент «Известий» Л. Замойский дал в «Неделе» такую информацию:

«На закате лет папа Юлий II предложил Рафаэлю Санцио из Урбино запечатлеть свой облик. Неугомонного старца Рафаэль изобразил величавым и задумчивым, восседающим на позолоченном троне. В 1513 году Юлий II умер, а портрет его выставили в церкви Санта Мария дель Пополо в Риме. Судьба портрета оказалась не менее своенравной, чем характер «папы-воителя». Лет через восемьдесят кардинал Сфондрато забрал портрет из церкви, презрев ропот верующих, а затем попытался самым обычным образом продать картину, но... не нашел покупателя. В 1608 году он присвоил-таки этот портрет, равно как и еще семьдесят шедевров мастеров Высокого Возрождения. Они были подарены кардиналу Сципиону Боргезе, который в обмен предоставил Сфондрато епископский пост в Кремоне. Потомки Боргезе продали ставший знаменитым портрет в конце XVIII века, незадолго до наполеоновского нашествия в Италию. Солдаты Бонапарта широко смотрели на вещи, в том числе и на те, которые им не принадлежали, не отставая от своих генералов. При Наполеоне Лувр, несомненно, пополнился. Но когда французов вновь сменили более щепетильные австрийцы, в флорентийской галерее Уффици появился портрет Юлия II, который считали оригиналом. Одна из копий из соседней Франции перекочевала в «Нэшнл гэлэри» с 1824 года. Надпись гласила: «Копия с оригинала Рафаэля из Урбино». Она висела около 150 лет и провисела бы без приключений наверняка еще столько же, если бы не любознательность сэра Сесиля Гоулда, эксперта живописи, взглянувшего

ка портрет глазом рентгена. И — о удивление! Под слоем краски Гоулд обнаруживает закрашенную папскую тиару и прочие символы власти, которые Рафаэль, по зрелым размышлениям, решил не выставлять напоказ. Такие поправки мог внести только автор».

Как не вспомнить при этом, что «Мадонна» Рафаэля висела в церкви дель Пополо вместе с портретом Юлия II, вместе с ним попала в руки кардинала Сфондрато и вместе же исчезла из поля зрения. Теперь стала известна дальнейшая судьба портрета папы. Но ведь это ниточка и к судьбе «Мадонны»! И, может быть, она-то и приведет к разгадке давней тайны?

* * *

Бывает, увы, и так, что дальнейшие события не проясняют загадку, а еще больше запутывают ее. Уже после того как этот очерк был напечатан в одном из журналов, газеты облетела новая сенсация.

«МАДОННА» УПЛЫВАЕТ ЗА ОКЕАН

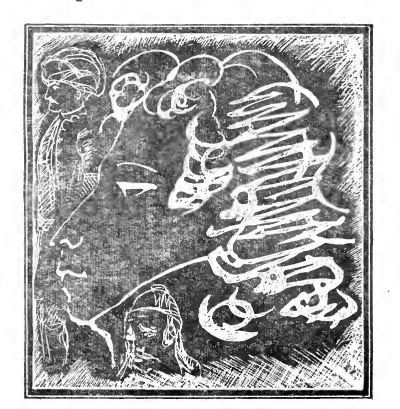
«Американский миллиардер Поль Гетти, живший долгие годы в Англии, решил, наконец, перебраться в Соединенные Штаты, прихватив с собой свою собственность — картину великого Рафаэля «Мадонна ди Лорето». Оцениваемый в два миллиона фунтов стерлингов шедевр в течение семи последних лет хранился в лондонской Национальной галерее, куда предприимчивый мультимиллионер согласился поместить ее, разумеется, не бесплатно.

Примечательна история «Мадонны». В 1938 году, когда Гетти приобрел картину, она обошлась ему всего в... 40 фунтов, как принадлежащая кисти неизвестного мастера. Позже специалисты установили ее настоящего автора и определили ее истинную ценность. Вот тогда-то миллиардер и решил срочно вывезти картину за океан...»

Что это: еще одна претендентка (48-я) на роль оригинала? Или одна из предыдущих сорока семи, выплывшая в новом обличье на свет божий? А может быть, и еще одна подделка, на которые так щедр нынешний век коллекционирования?

Пока это лишь вопросы без ответа. Время словно не хочет расставаться с полюбившейся ему тайной. Но не напрасно говорят, что нет ничего тайного, что в конце концов не стало бы явным. И кто знает, какую роль при этом сыграет «Тагильская мадонна»...

Дело Липранди

ОН БЫЛ ЗНАКОМ С ПУШКИНЫМ...

Иван Петрович Липранди был зиаком с Пушкиным в дни его южиой ссылки...

Еще не так давно миогие, прочитав эту фразу, вероятно, на ней и оборвали бы чтеиие: «Что мне за дело до каждого внакомого Пушкина?! Это утеха пушкинистов, дотошно выясняющих цвет туфелек дамы, с которой поэт танцевал иа балу, и биографию сапожиика, которых шил их...»

Да, еще не так давио было модным проезжаться насчет пушкиинистов, посмеиваться иад их скрупулезиым и ие миогим тогда понятиым трудом по собираиию рукописиого наследия великого русского писателя и по воссоздаиию — до мелочей — его биографии, его окружения, обстаиовки, в которой он жил и творил. Популяриый в 1930-е годы сатирик Арго так изложил в стихах распространеиное тогда отиошеиие к пушкиинистам:

...Профессора, усевшись в ряд,
Свои брады уперли в землю
И говорят... и говорят...
Тоскливо, скучно, бесконечно...
О ком? О Пушкине, конечно,
О том, кого поэт любил,
Какие брюки он носил;
Подробные наводят справки
Насчет разбитых им сердец;
Выпытывают, наконец,
Имел ли Пушкин бородавки,
А если нет — то почему
Судьба их не дала ему...

Возможно, что это и остроумио. Но вот что примечательно: т е п е р ь такое едва ли кто напишет. Уже давненько над пушкинистами никто ие издевается. Как-то иезаметно даже добродушные шутки над ними сошли на нет. Ныне их труд окружен уважением и всеобщим интересом к иему.

И это не даиь моде, а свидетельство роста нашей культуры. Нам стали важны и иитересиы и иеосуществлениый замысел Пушкииа, и его забытое письмо, и судьба близкого ему

человека, и... гм... может быть, даже и то, какие брюки он носил.

Кстати, о брюках. Вспомним, как Чехов, по свидетельству Бунина, собираясь к Толстому, чуть не час решал, в каких брюках ехать («эти неприлично узкие, подумает — щелкопер... а эти шириной с Черное море, подумает — нахал»). Для кого-то и это серьезный, хотя и решаемый в шутливой форме, вопрос, характеризующий человека.

А если отставить в сторону брюки и бородавки, то как не почтить низким благодарным поклоном наших пушкинистов за один лишь такой факт: читатели 1970-х годов могут прочесть втрое большее число пушкинских произведений, чем могли читать современники поэта в 1837 году. И это не считая почти 800 писем и около 1900 случаев уточнения неполно или неисправно напечатанных ранее произведений *.

Втрое больше! Надо ли говорить, какой это подвиг, какой вклад в сокровищницу мировой культуры!

И уместно добавить — многие произведения, письма, реликвии добыты (разысканы!) в архивах знакомых Пушкина, в результате дотошного изучения биографий и судьбы лиц из его далекого и близкого окружения. Вот вам и «кого поэт любил...».

Пушкин — это такое огромное явление в истории русской и мировой культуры и вместе с тем такой живой и деятельный наш современник, что важно решительно все, без оговорок, связанное с его именем.

Так вот — Липранди...

МЕТАМОРФОЗЫ «СИЛЬВИО». AVERS.*

«...Личность его представляла несомненный интерес по своим дарованиям, судьбе и оригинальному образу жизни. Он был мрачен и угрюм, но любил собирать у себя офицеров и широко угощать их. Источники его доходов были покрыты для всех

---

* *Подсчеты литературоведа К. П. Богаевской, приведенные Н. Эйдельманом в «Неделе» (1967, № 7).*

* *Нумизматический термин. Аверс — лицевая сторона монеты, медали.*

тайной. Начетчик и книголюб, он славился бретерством, и редкая дуэль проходила без его участия».

«...Всех привлекала многообразная и вместе загадочная личность нового знакомца, ведшего свой род от знатных испанских рыцарей. Постоянное мрачное настроение не мешало ему принимать участие в лихой товарищеской пирушке гусарских офицеров. Известного рода гордость своей бедной обстановкой и потертым сюртуком как-то сочеталась в нем с готовностью и умением угостить друзей роскошным ужином. Молчаливая сдержанность человека, умудренного житейским опытом, много видавшего в скитаниях по свету, совмещалась у него с пылкой страстностью свободолюбивой речи... Скромность вынужденно вышедшего в отставку военного, участника знаменитых походов, доставивших ему боевые награды, и познавшего тленность шумливой суеты, не исключала в характере его бурной вспыльчивости дуэлянта и бретера. Отеческая снисходительность к незрелой молодежи не смягчала в романтическом чиновнике... жестокой мстительности бездушного авантюриста, ежедневным упражнением поддерживавшего меткость своего выстрела, попадавшего в муху на расстоянии тридцати шагов. У него была слава удивительного стрелка и участника многих дуэлей».

Вы роетесь в памяти?.. Что-то знакомое?.. Ах да, это же Сильвио из «Выстрела» — одной из «повестей покойного Ивана Петровича Белкина»!

Но вы лишь почти правы — речь идет о почти-Сильвио, вернее о его прототипе, Иване Петровиче Липранди. В этих характеристиках, данных литературоведами Л. Гроссманом * и С. Штрайхом **, я только позволил себе заменить местоимениями некоторые прямые упоминания его имени.

...Да, была среди знакомых Пушкина такая весьма любопытная фигура — Иван Петрович Липранди, тогда армейский подполковник, позднее генерал-майор, а под конец жизни действительный статский советник. Обычно в справках и сносках его именуют военным историком. Это хотя и правда, но далеко не полная — познакомившись ближе с его биографией,

---

** В статье «Исторический фон «Выстрела».— «Новый мир», 1929, кн. 5, стр. 208—223.*

*** В статье «Знакомец Пушкина — И. П. Липранди».— «Красная новь», 1935, кн. 2, стр. 212—218.*

как-то даже забываешь о том, что он был еще и военный историк.

Сын обрусевшего испаиского дворяиинна. Отмеченный многими наградамн участник наполеоновских войн с 1807 года (то есть с 17 лет). Сослуживец и приятель «первого декабрнста» В. Ф. Раевского и миогих других деятелей Южиого тайного общества, даже, как предполагали некоторые его современиики, сам член Союза благодеиствия (его ячейки «Зелеиая книга»). Арестоваииый по делу декабристов в яиваре 1826 года, сидел в камере вместе с Грибоедовым.

Имя Липранди запечатлено в воспомииаииях многих мемуаристов той поры. Перечислить статьи, где упомииается его имя, невозможно — их сотни, а полной библиографии Липрандн никто ие составлял.

Особо следует сказать о его взаимоотношеииях с Пушкиным.

Позиакомились они иа юге, где Пушкнн отбывал свою первую ссылку, вскоре (через день!) по прибытии поэта в Кишииев — 23 сеитября 1820 года. И быстро и близко сошлись. Молодому, ромаитически настроеииому поэту импонировала в Липранди слава бывалого воина, отчаяниого дуэляита, человека, ведущего иесколько таинствеииый образ жизии. Пушкии стал посетителем холостяцкой квартиры Липраиди, с жадностью набросился на его действительно богатейшую библиотеку, часами слушал его рассказы, требуя все новых н новых. В декабре 1821 года Пушкин 11 диеи путешествовал с Липранди по Бессарабии. Поездка эта миого дала ему — ведь она проходила по местам ссылки любимого им поэта Овндня, по местам боев русско-шведской войны, о которой военный историк Липраиди мог рассказать немало *. Другую, трехдиевиую, поездку оии совершили вместе в январе 1824 года в Тирасполь и Бендеры. По дороге, в Варнице, искали могилу Мазепы, а в Беидерах встречались с 135-летиим казаком Искрой, видавшим сто с чем-то лет назад Карла XII в шведском лагере под Бендерами.

Иван Петрович Липранди — утверждают некоторые литературоведы — не только был прототипом Сильвио в «Выстреле», ои же дал Пушкину и сам сюжет этой повестн. Вспомним, кстати, что и весь цикл этих маленьких повестей дается

* *Он даже брал с собой в эту поездку специальные книги, карты и схемы.*

от имеии Ивана Петровича (пусть и Белкииа). Он же доставил поэту перевод двух песеи греческих революциоиеров-повстанцев, свел его со знатоками молдавского фольклора, пересказавшими ему две старинные легенды «Дафна и Дабижа» и «Дука», обработка которых, как утверждают, стала первым опытом Пушкина в прозе.

Добавим ко всему этому, что Липранди оставил пространные и обстоятельные воспоминания о жизни Пушкина на юге, которые до сих пор считаются «мемуарами № 1» — весьма цениными и, как всегда считали, достовериейшими.

Остается заключить ато все выводом, к которому склоняются иекоторые исследователи, что Липранди «искренне любил Пушкииа... история их близости непререкаемо свидетельствует о глубоком вниманииии и иежиой опеке старшего друга над его юным сотоварищем, которого он приобщает к своему житейскому опыту и научиой культуре, не переставая оберегать повышенное самолюбие, обостренное чувство чести, духовиые интересы и даже нередко жизнь Пушкииа» *.

МЕТАМОРФОЗЫ «СИЛЬВИО». REVERS.**

Но это, так сказать, одна сторона медали. А вот другая. Известно, со слов самого Липранди, что еще в 1813 году он стал заведовать тайной политической полицией при армии Воронцова во Франции. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, близко общался с известным политическим авантюристом и провокатором Видоком. Три года спустя совместно с фраицузскими жаидармами участвовал в раскрытии тайного аитиправительствениого общества «Булавок». С иачала 1820 года он видиый военный разведчик при штабе войск в Бессарабии.

К коицу 1820-х годов он уже настолько известен как теоретик и практик воеииого и политического шпионажа, что именно ему поручают составить записку «О средствах учреждения высшей тайной заграничной полицин», которая была представлена самому царю и получила «высочайшее» одобре-

* *Л. Гроссман. Исторический фон «Выстрела».— «Новый мир», 1929, кн. 5, стр. 221.*

** *Оборотная сторона монеты, медали.*

ние. В конце 1827 — начале 1828 годов он же и возглавил это, созданное по его мысли и планам, учреждение.

Тут нужно сделать важную оговорку. Профессия военного разведчика имеет давние традиции, так же обычна, как и всякая другая военная специальность, и осуждать ее, вменять человеку в вину — нелепо. Военно-разведывательные задания выполнял, в те же годы и в той же Южной армии, например, будущий декабрист П. И. Пестель — человек безупречной порядочности. И к Ивану Петровичу тут претензий вроде бы и не может быть — служба есть служба.

Но вот дальше пошла служба иного рода, хотя чем-то и близкая той, ранней.

Неизвестно точно, с какого времени, но уже в 1820-е годы Липранди непосредственно и тесно связан с шефом жандармов Бенкендорфом. С его правой рукой, генералом Дубельтом, он дружен еще с военной кампании 1812 года. А с 1840 года Липранди на штатной службе в Министерстве внутренних дел по департаменту полиции. Поручения, которые пришлось там выполнять, были настолько деликатны, что начальство, очевидно, посоветовало ему расстаться с офицерским мундиром и сменить военное звание генерал-майора на штатское — действительного статского советника. Липранди стал организатором гонений на раскольников, на прогрессивную печать. На нем несмываемое пятно организатора позорной провокации — это он, пронюхав о кружке М. В. Буташевича-Петрашевского, ввел в него провокатора, своего родственника, студента Антонелли, составил печально знаменитую «Записку», в которой охарактеризовал деятельность кружка как «зло великой возможности, угрожающее коренным потрясением общественному и государственному порядку». Именно эта «Записка» и привела на эшафот — под инсценировку расстрела, а потом на каторгу и ссылку — Петрашевского, Достоевского, Плещеева и их товарищей. Имел он отношение и к аресту Огарева в 1850 году.

Даже на склоне лет Липранди пишет свои теоретические труды по военному и политическому шпионажу, обобщает свой опыт разведчика и провокатора, поучает правительство в необходимости совершенствовать систему тайной полиции. Он, как установил писатель и пушкинист В. Вересаев, при Александре II подал проект об учреждении при университетах школы шпионов, «чтобы употреблять их для наблюдения за товарищами, чтобы потом давать им по службе ход и пользо-

ваться их услугами для ознакомления с настроениями общества».

Не случайно еще в 1849 году юный Чернышевский писал в своем дневнике «о подлецах, которые как Липранди губят людей». Недаром и Герцен в своих статьях и брошюрах неоднократно брезгливо упоминал его имя как синоним шпиона и провокатора («Липранди, доносящий по особым поручениям» *).

Да и Пушкин, кажется, впоследствии заподозрил что-то. В 1833 году, составляя «программу записок» о Молдавии, Пушкин включил в конспект такие пункты:

«Липр(анди) — 12 год — mort de sa femme — le renegat» **. Конечно, 12-й год, смерть жены и ренегатство в конспекте Пушкина могли относиться и не к Липранди, а к кому-то другому. Но вот биограф Пушкина П. В. Анненков со слов друга поэта К. К. Данзаса записал: «Липранди часто бывал с Пушкиным, он был тогда подполковником генерального штаба, потерял жену — француженку и выстроил ей богатую часовню, в которой часто уединялся». Так что цепочка мыслей Пушкина не обрывается на 12-м годе и позволяет гадать — не относится ли и слово ренегат к И. П. Липранди.

Такова другая сторона медали.

КТО ЖЕ ОН?

Неизбежен вопрос: какая из этих сторон истинная, а какая искусственная, наигранная?

Но, может, обе истинные, и тут налицо метаморфоза? Такое встречается: был хорошим, потом стал «бякой». Примеров тому в истории известно немало.

Но если тут и имела место метаморфоза, то тем более забывать о ней нельзя. Все, что сказано выше, в общем-то, известно, публиковалось в довольно-таки обширной, хотя в большей части и специальной, ученой литературе о Липранди, о

** Намек на его должность чиновника по особым поручениям.*

*** Смерть его жены — ренегат (фр.).*

южной ссылке Пушкина. И как же обидно читать сегодня ангельскую характеристику нашего знакомого, данную в книге, названной «Тропа к Пушкину» (издана в 1967 году в «Школьной библиотеке»).

Даже допустив, что в годы знакомства с Пушкиным Липранди был ангелом, не сказать, кем он стал потом, просто недопустимо.

Да и была ли еще метаморфоза-то? Может, ее и не было? Может, одна часть жизни была прожита под маской, а другая открыто?

Об этом пушкинисты спорят. Одни — их много, и среди них такие маститые исследователи, как П. Е. Щеголев, С. Я. Штрайх, Б. Л. Модзалевский,— склонялись к тому, что Липранди уже в бытность Пушкина в Бессарабии был политическим осведомителем. Другие допускают это, но не утверждают и как бы уклоняются от выводов. Третьи — их мало, но они есть — пытаются доказать, что Иван Петрович тогда еще не был осведомителем.

Но и те, и другие, и третьи исследователи, расходясь в оценке истинного лица Липранди в 1820-е годы, сходились в одном: как бы там ни было, а воспоминания его о жизни Пушкина на юге «ценятся пушкинистами, как единственные по богатству сведений о кишиневском и одесском периодах жизни поэта» (С. Штрайх).

Правда, в последнее время стали раздаваться голоса, что это положение можно принять с большими оговорками и, может быть, следует даже и пересмотреть его. Но об этом дальше.

А пока все — уже решительно все и без всяких оговорок — сходятся в том, что в бумагах Липранди, найдись они, может (должно!) оказаться много важного и интересного для пушкиноведения и для прояснения вопроса — кто же он на самом деле. В том числе многолетний дневник Липранди, несомненно, с множеством ценнейших сведений о Пушкине и его окружении, неизвестные нам письма Александра Сергеевича, книги, которыми он пользовался и которые, безусловно — по неистребимой пушкинской привычке, должны хранить следы его чтения, пометки. И наконец, «Дука» и «Дафна и Дабижа» — первые опыты Пушкина в прозе, обработанные в повести два молдавских предания.

Ах, если б найти их!..

ТОЛЬКО ОПИСЬ

Нижний Тагил — город многих счастливых находок. В 1925 году его имя пронеслось по газетам и журналам мира в связи с находкой в какой-то кладовой «Мадонны» с подписью Рафаэля.

В 1956 году все мы зачитывались рассказом Ир. Андроникова о переписке Карамзиных, найденной тагильскими краеведами. Полная публикация этих писем Пушкинским домом Академии наук с комментариями и примечаниями заняла солидный том и стала одним из важнейших документов пушкиноведения.

О менее сенсационных, но значительных находках я не говорю — о них мы узнаем почти каждый год. И не случайно, конечно,— ведь это старинный центр вотчины Демидовых, город, связанный с именами Черепановых, Худояровых, Климентия Ушкова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и многих других видных деятелей науки, техники, литературы и искусства. Отслоения дней — жемчужины культуры прошлого — нет-нет да выглянут из забвения на белый свет. А сколько еще их, таких жемчужин, нам предстоит увидеть в будущем — далеком и близком!..

Каждый раз, когда приезжаешь в Тагил, охватывает невольная дрожь нетерпеливого ожидания встреч с заманчивым неизвестным, возможных открытий, больших или маленьких, все равно.

Вот и в этот раз, в 1968 году, я шел с вокзала, почти подплясывая от нетерпения, в давно знакомое и близкое моему сердцу здание краеведческого музея. Какие встречи — с кем и с чем — ожидают меня, какие находки обрадуют?..

Ехал я, конечно, не наугад, не просто за чем-нибудь, а с определенной целью: поискать какие-то следы пребывания здесь некоей Авроры Карловны, сменившей за свою жизнь три фамилии — Шернваль, Демидовой и Карамзиной.

Впрочем, некоей ее называть, пожалуй, неудобно — в свое время она была известным человеком в среде очень известиых людей. И уж если зашла о ней речь, то не могу удержаться, чтобы не сказать об Авроре Карловне несколько слов, тем более что она, как оказалось, пожалуй, имеет некоторое отношение к теме этих заметок.

Это была интересиая жеищина с любопытной, достойной романа, судьбой *. Дочь выборгского губернатора, поразительная красавнца н большая умиица, она привлекала виимание многих примечательных людей своего времеии. Ей, еще совсем юной девушке, посвятил свое стихотворение Е. А. Баратынский, явно неравнодушиый к выборгской Венере. Воспевали ее и другие поэты. О ней писал в письмах к жене Пушкин, встречавшийся с Aurore у общих знакомых. О ней нисали П. А. Вяземский и В. А. Жуковский. На стихп Вяземского, посвященные Авроре Карловие, композитор М. Ю. Виельгорский написал романс, долгое время бывший популярным в кругу пушкинских зиакомых. Ее портрет писал сам великолепный Карл — К. П. Брюллов. Знал ее и М. Ю. Лермонтов, посвятивший стихи ее сестре Эмилии.

Но в личной судьбе Авроры Карловны было что-то роковое. Баратынский, который был к ней неравнодушеи, вскоре после их знакомства неожиданно заболел и уехал из Выборга. В 1834 году она стала невестой офнцера и литератора А. А. Мухаиова, приятеля Пушкина, но за несколько дней до свадьбы жених скоропостижно умер.

Два года спустя Аврора Карловна вышла замуж за одного из богатейших людей России, владельца Нижнетагильских заводов Павла Николаевнча Демидова. Золотой свадьбой называли это событие современиики. Брак оказался непродолжительным — через четыре года, в 1840 году, Аврора Карловна овдовела.

Став опекунщей своего малолетнего сына н совладелицей (вместе с сыиом и братом мужа) заводов, молодая вдова переехала в Тагил и приияла на себя нелегкое дело управления громадным хозяйством округа. Через несколько лет Петербургская контора прислала ей в помощь своего представителя Андрея Карамзина, сына знаменитого историка. Аврора Карловна знала его по Петербургу и раньше. Еще в 1836 году мать Андрея, Екатерина Андреевна, писала ему, путешествовавшему в то время за граннцей, об Авроре: «...Ты, вероятно, увидишь ее в Италии. Она обещала, что будет внимательна к

* *По словам уральских знакомых писателя и литературоведа Л. П. Гроссмана, он, будучи в эвакуации в Свердловске, писал такой роман. Кроме того, в 1922 году в Петрограде вышла отдельной книжкой поэма Г. Маслова «Аврора», посвященная Авроре Карловне.*

тебе. Только не увлекайся до безумия, что часто с тобой случается при знакомстве с хорошенькими женщинами, а эта уж очень хороша».

В тот год этого ие случилось, а вот в 1846 году там, в Тагнле, давиее предположение матери оправдалось — Аврора Карловна дала согласие стать женой Аидрея Карамзина.

Но и это ее замужество было недолгим. В 1854 году Андрей Николаевич уехал иа фронт начавшейся русско-турецкой войны и спустя несколько месяцев погиб в одном из первых своих сражений — в Малой Валахии.

Сама Аврора Карловна иадолго пережила свонх близких и знакомых — она умерла в 1902 году 94-летней старухой...

Судьба *роковой Авроры* интересовала меня давно — в связи с иекоторыми «тагильскими загадками», в том числе и с загадкой «Тагнльской мадонны». Но я не ожидал, что она же приведет меня еще к одной новой загадке.

...Тогда библиотекой музея еще ведала Елизавета Васильевна Боташева — участница многих «тагильских находок» (в том числе и той, что описана Ир. Андрониковым), прирожденыый, можно сказать, потомственный краевед (ее дед, Ф. П. Шорин, друг Мамина-Сибиряка, был известен как знаток своего края и страстный собиратель). Весьма солидную и очень ценную библиотеку музея, которой посвятила около сорока лет своей жизни, она знала прекрасно — до листочка в каждой книге, до отдельной бумажки в рукописном фонде. Почтн всякий поиск в Тагиле начннался обычно с нее. Ее отличную память и безошибочную ориентировку в исторических материалах отмечали такие видные исследователи, как профессора В. Виргиискнй и Б. Кафенгауз, историк Л. Иофа, писатель А. Барман, тот же Ир. Андроников н многие другие.

Вот и иа этот раз я обратился к помощи Елизаветы Васильевиы. И, конечно, не иапрасно — откуда-то из иедр огромных (еще демидовских!) шкафов появились и легли на стол материалы, столь же любопытные, сколь и неожиданные, вплоть до писем свойственника Авроры Карловны (по жене мужниного брата Анатолия — принцессе Матильде Монфор) вестфальского короля Жерома Боиапарта, брата Наполеона.

— Вот и бумаги Липранди тоже, наверное, связаны с нею, с Авророй,— добавила, как бы между прочим, всегда невозмутимая Елизавета Васильевна.

— Какие бумаги?! — иавострив уши, встрепенулся я.

— А помните, Эйдельман в «Неделе»...

Как же не помнить! Потому и встрепенулся. Незадолго до этого разговора в «Неделе» появилась статья литературоведа Н. Эйдельмана «Непрочитанный Пушкин» — о поисках пушкинских рукописей. В статье говорилось, что несколько писем и рукописей, в том числе «Дука» и «Дафна и Дабижа», были в свое время в архиве Липранди. Осколки этого, некогда очень солидного, собрания рукописей сохранились в разных архивохранилищах страны, но где его основная часть, остается неизвестным. «Надо искать архив Липранди!» — призывал автор статьи.

Так этот архив здесь?! Еще одна сенсационная находка?..

— Ну, не архив, конечно, а так — несколько тетрадей...— сказала, словно оправдываясь, Елизавета Васильевна.

Значит, находка не состоялась. Но все же...

— Елизавета Васильевна, не томите!..

И вот они на столе — пять тетрадей, исписанных ровным писарским почерком, рыжеватыми, такими характерными для XIX века, орешковыми чернилами на успевшей пожелтеть бумаге. Рукописи, видимо, авторизованы — на них подпись: «И. Липранди», а в тексте пометы и поправки.

Тетрадь первая (это для меня первая, а на ней, над заголовком, стоит цифра VIII). *«Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. 3. Босния. Январь 1854 года».*

Ясно — Иван Петрович Липранди «в своем репертуаре»...

Тетрадь вторая. Тот же заголовок, та же дата. *«...Албания»*. Тетрадь третья— *«...Сербия»*, четвертая — *«...Придунайские княжества»*...

Подумалось: едва ли это теперь кому-то интересно.

Еще тетрадь — большого формата. «IX. *Рукописи на разных языках, относящиеся до турков, военные описания местностей, битв, политические и статистические взгляды и т. п.*»

Это какая-то опись... *«Оглавление»* уточняет ее разделы:

«1. Битвы и все, что относится к военным действиям, и секретные взгляды.

2. Военно-административные и секретные.

3. Военно-географические, военно-исторические, военно-статистические и т. п.

4. Политические и секретные.

5. Исторические, географические, статистические и т. п.

6. Смесь».

Во всех шести разделах перечислено свыше 160 рукописей. Да еще в конце каждого раздела такой оптовый пункт: «*Смесь материалов, до этого отделения относящихся*».

Ну и что же это за рукописи?

«Об удобстве и невыгодах кормить лошадей травою в лагерях. На французском языке. Полковника Липранди, вечерне. Яссы. Январь 1829 год...»

«Рассуждение о путях к Адриатическому морю... май 1830 г.»

«Проект генеральной фуражировки под Шумлою. По высочайшему повелению. Полковник Липранди. Аванпосты при Шумле. 11 июля 1828 г.»

И прочие свидетельства того, что полковник Липранди честно отрабатывал свой хлеб военного разведчика. Но все это, действительно, относящееся до турков, а не до Пушкина.

Впрочем, встречается нечто и любопытное.

«Взятие Азова донскими казаками. Подлинная рукопись, писанная участниками — казаками — в 1636 году...»

«Подлинное послание на болгарском языке из Филиппополя к полковнику Липранди о готовности болгар к восстанию в 1829 году».

«Разные исторические, политические и т. п. сведения... со времен императрицы Екатерины II до первых лет царствования Александра I, собранные известным иркутским купцом Федором Щегориным, с запискою о его трудах. Современная подлинная рукопись. Толстая».

Если они неизвестны, то ведь это, может быть, клад для историков?!

Да, но клад-то... неоткрытый!

Досматриваю последнюю страницу, и вдруг как удар тока — *«4. Дука, молдавское предание XVII века...*

5. Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года»...

Рука машинально шарит по столу в поисках следующей тетради — конечно же, с «Дукой»... Но увы, тетрадей всего пять, и эта, что в руках, последняя...

Конечно, я понимаю, Елизавета Васильевна не держала бы «Дуку» втуне, чтобы поразить кого-нибудь из заезжих гостей музея, драгоценные пушкинские рукописи давно бы уже находились там, где им и надлежит быть,— в Пушкинском доме Академии наук, и о находке их знал бы уже весь просвещенный мир. Но так велико желание увидеть, подер-

жать в руках эти «первые опыты в прозе молодого поэта», почувствовать себя присутствующим при значительном культурном открытии, что, право же, этот шарящий жест руки не кажется таким уж нелепым и конфузным. Каким событием для всех почитателей Пушкина было бы это открытие его повестей, созданных на основе преданий о борьбе молдавского народа с его господарями, в частности с Василием Дукой, поплатившимся жизнью за жестокое угнетение народа.

— Но, может быть...— умоляюще смотрю я на Елизавету Васильевну.

Нет, ничего не может быть. Это, увы, только опись. Елизавета Васильевна молча собирает тетради...

ЗАГАДКА «МОЛДАВСКИХ ПОВЕСТЕЙ»

Да, это лишь осколочки большого некогда архива И. П. Липранди, и ничего значительного в них, кажется, нет. И все же я попросил снять для меня копию с тетради — каталога рукописей (назовем ее просто О п и с ь ю). Дома она укрылась в недрах письменного стола, не столь глубоких, однако, чтобы не выглядывать на поверхность. Нет-нет, да когда мне попадалось что-то новое о Липранди, я заново, как бы свежими глазами, внимательно перечитывал список его рукописей. И увидел, что «Опись» ставит ряд интересных загадок.

Вот, например, легенда о л е г е н д а х (то есть о преданиях, обработанных Пушкиным в повести), столь волнующая умы литературоведов.

Что известно о них? Только то, что они были у Липранди в его бумагах.

Но были ли на самом деле повести-то? Кажется, никто этот вопрос обстоятельно не исследовал. Пушкинисты верили, что они были и, значит, возможно, где-то есть и сейчас.

Кому, чему верили?

А верили тому же Липранди, которому рукописи повестей якобы были переданы самим Пушкиным. По его, Липранди, словам...

В своих воспоминаниях, написанных и опубликованных в 1866 году в «Русском архиве», Иван Петрович как бы мимоходом сообщил следующее:

«...Не вижу в собрании его (Пушкина) сочинений даже и намека о двух повестях, которые он составил из молдавских преданий, по рассказам трех главнейших гетеристов *: Василия Каравая, Константина Дуки и Пендадеки.... У меня остались помянутые копии, одна под названием «Дука, молдавское предание XVII века», вторая — «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года»...

Но это — единственный источник сведений о «повестях».

Есть, правда, еще примечание к этим словам П. И. Бартенева — редактора журнала, публиковавшего воспоминания Липранди, известного биографа Пушкина и собирателя его литературного наследия. Он сделал такую сноску: «От себя Пушкин ничего не прибавил тут». На этом основании многие стали полагать: «По всей вероятности их видел и читал (в том же 1866 году) редактор «Русского архива» П. И. Бартенев» (Г. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963, стр. 131).

Но ведь это примечание Бартенев мог сделать опять-таки со слов Липранди! Ни сам Бартенев, ни знавшие его лица нигде прямо не заявляли, что он видел и читал эти рукописи.

Такие доводы можно, вроде бы, опрокинуть словами самого Пушкина: «С прозой — беда! Хочу попробовать этот первый опыт». Литературовед Б. Трубецкой сопровождает эту цитату своими словами: «...Говорил поэт, работая над этими повестями».

А откуда известно, что он говорил это?.. Да опять-таки из воспоминаний Липранди.

Но позвольте, скажут мне, так ведь они же, эти рукописи, числятся в описи архива Липранди!

В том-то и дело, что опись говорит... Впрочем, читайте сами, о чем она говорит (привожу запись полностью).

«4. Дука, молдавское предание XVII века, приведено в порядок полковником Липранди. Яссы. 1831 год.

5. Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года, приведено в порядок полковником Липранди. Яссы, май 1831 года».

Видите, как поворачивается дело?! «Приведено в порядок»! И не кем-нибудь, а самим полковником Липранди.

* *Участников гетерии (или этерии) — новогреческой тайной буржуазно-революционной организации.*

Нельзя же думать, что Иван Петрович приводил в порядок, то есть перерабатывал, повести Пушкина. И не когда-нибудь, а в 1831 году, в мае, когда прошло уже семь лет, как Пушкин оставил Молдавию и снова жил в Петербурге. Более того — уже когда он написал (осенью 1830 года в Болдине) «Выстрел» с его героем Сильвио, с прототипом которого мы теперь знакомы *. Мало того, можно добавить, что примерно за полгода до того, как в Яссах была поставлена дата «май 1831 года», в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1830 год появилась в записи студента Харьковского университета Александра Хашдау... легенда «Дука. Молдавское предание» **.

В свете этих фактов становится более понятным вопрос: почему Бартенев, человек, бесконечно любивший Пушкина, собиравший каждую кроху о нем, не опубликовал «Повести» из архива Липранди (если, конечно, держал их в руках)? Высказывалось предположение, что он не сделал этого по цензурным соображениям. Но это уж просто нелогично: Бартенев держал в руках немало пушкинских рукописей не менее «крамольных», однако сохранил же их. Уж хоть копию-то с них бы снял. В письмах бы друзьям поделился... Конечно, более убедительна версия, что Бартенев «Повести» не видел и примечание свое писал со слов Липранди.

Но Липранди-то прямо указывал на Пушкина, без обиняков. Зачем бы это ему? Ведь всегда считалось, что воспоминания Липранди «единственные по богатству и точности сведений о кишиневском и одесском периодах жизни поэта...»

Всегда, но не сейчас. Уже давно подкапливались данные для сомнений в их безупречности. В последние годы молодые литературоведы все чаще и чаще стали замечать у Липранди какие-то странные несоответствия и ошибки, труднообъяснимые для «единственных по точности» воспоминаний.

Так, исследователи заметили, что Иван Петрович пытался приписать Пушкину нелестный отзыв о П. И. Пестеле. Лип-

* *Кстати сказать, сам Липранди почему-то счел нужным* «отречься» от *знакомства с «Выстрелом». В воспоминаниях он пишет: «...Не помню этого рассказа и хотел бы знать источник».*

** *В 1838 году Болеслав Хашдау опубликовал в «Сыне отечества» другую легенду — «Дабижа».*

ранди не мог знать того, что знаем мы,— записей Пушкина в его кишиневском дневнике, где он весьма высоко и уважительно отзывается о вожде южных декабристов. Обратили внимание на то, что Липранди в воспоминаниях приписывает Пушкину свой шовинизм — насмешки над молдавским языком; что не греки-гетеристы, а молдаване сообщали ему сюжеты тираноборческих преданий. Уличили Ивана Петровича и в том, что он — профессиональный военный разведчик, пишущий по дневнику, — путает почему-то хорошо известные ему номера полков, даты и место действия...

И уже в литературоведческих трудах теперь можно встретить такие далеко идущие (хотя, может быть, и не безусловно аргументированные) обобщения, как, например, резюме молдавского литературоведа Г. Богача в его работе «Пушкин и молдавский фольклор»: «Детальное изучение вопроса убеждает нас в том, что в воспоминаниях Липранди содержится явная мистификация, умышленная подмена лиц и плохо прикрытое сведение личных счетов мемуариста с ненавистными ему молдаванами. К сожалению, в воспоминаниях Липранди это не единственная ложь и мистификация. Многие из его выдумок уже разоблачены, но очень многое в этом же направлении следует еще сделать. Изощренного провокатора, шпиона и предателя, так невыгодно и так ложно обрисовавшего великого поэта даже в этом с виду незначительном эпизоде, следует проверять даже в мелочах, тем более тщательно, что уже на протяжении почти полного столетия его «Заметки» используются как ценнейшие и достовернейшие материалы для освещения кишиневского периода жизни и творчества Пушкина».

Сказано это, пожалуй, излишне запальчиво, но... А что, если история с «Молдавскими повестями Пушкина» и в самом деле очередная мистификация Ивана Петровича?

УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?

Как ни запальчиво резюме Г. Богача, однако надо сказать, что основания для подозрений есть, и довольно веские. Над Иваном Петровичем всегда — и при жизни, и после смерти — висел ореол таинственности, загадочности. Пожалуй, не без его участия висел. И, хотя изредка исследователи, а порой и

он сам приоткрывали завесу то над одним, то над другим тайным местом или эпизодом его жизни, все же много таких местечек так и остались невысветленными. Можно думать, что опять-таки не без участия его самого.

Ну, например, следующие немаловажные моменты.

Был ли Липранди в 1820-е годы политическим осведомителем или нет? Когда стал им (а что стал, в доказательствах не нуждается)? Какова его причастность к движению декабристов, к Союзу благоденствия?

Заметим сразу — это вопросы немаловажные. От ответа на них может зависеть прояснение некоторых событий тех лет, связанных с Пушкиным и декабристами.

Что Липранди в 20-е годы уже вел наблюдения не только за противником и за *«фонтанами в Базарджике и его окрестностях для распределения оных для разных частей войск»* (упомянута и такая рукопись в его тагильской описи), но даже и за начальниками, свидетельствует, например, его сочинение *«Характерные черты некоторых главных лиц армии в продолжение кампании 1828 года»*, составленное в Калараше в марте 1829 года. Рукопись эта числится под № 7 в разделе четвертом описи, озаглавленном: *«Политические и секретные»*. Именно так...

Жаль, что ее нет в наличии, кто знает, может быть, именно она помогла бы выяснить некоторые х а р а к т е р н ы е ч е р т ы И. П. Липранди в тот период.

Но это все-таки конец 20-х годов, уже после восстания декабристов. А как обстояло дело раньше, в начале двадцатых, в период, более важный для нас? Был ли уже тогда Липранди осведомителем?

Доказательного ответа на этот вопрос пока нет. Дело это чрезвычайно трудное и, надо сказать... щекотливое.

Судите сами. Обличающих документов нет (скажем точнее — пока не найдено). Свидетельства современников — В. Ф. Раевского, С. Г. Волконского, Ф. Ф. Вигеля, например,— разноречивы или уклончивы. А каждому исследователю, касающемуся этого вопроса, хочется поставить точки над i. Вот и приходится строить версии, толкуя одни факты так, а другие этак (благо, они это позволяют) и конструируя логическую схему на основе предубеждения. Это было бы терпимо, если бы такое выдавалось за рабочую гипотезу. Но, к сожалению, чаще всего на основании таких умозаключительных схем делались и делаются категорические выводы.

И не удивительно, что они при этом получаются у разных исследователей разными, иногда — диаметрально противоположными *.

Не будем пока вклиниваться в этот спор и строить еще одну версию. Отметим другое: тут следовало бы провести профессиональное следствие — дотошное, непредвзятое, по всем правилам криминалистики, с пересмотром многого, принятого ранее на веру, с целенаправленным поиском пусть косвенных, но неопровержимых фактов и документов.

Конечно, при этом нужно помнить и о презумпции невиновности для устранения всякой возможности предвзятости, но и не возводить ее в фетиш. В данном случае это не столько вопрос этики, сколько логики: не доказано — не аргумент. К тому же. необходимо различать юриспруденцию и историю. Так, производить обыск в квартире только по подозрению — безнравственно и незаконно, однако никто не винит археологов, когда они без санкции прокурора обшаривают каждую пядь раскопанного ими жилища новгородского посадника. Так же и вопрос: был ли Борис Годунов убийцей царевича Дмитрия? — ныне относится к компетенции истории, а не уголовного кодекса.

Нет документов? Да, ни в делах следствия по делу декабристов, ни в архивах пресловутого III отделения, корпуса жандармов или департамента полиции, документов с осведомительскими донесениями Липранди 20-х годов или с упоминанием его имени в этом аспекте пока не найдено. Но это не значит, однако, что их не было — они могли быть и еще могут

** Когда этот очерк уже готовился к печати, в продаже появился 9-й выпуск сборника «Пути в незнаемое» (М., «Советский писатель», 1972), где напечатано блестящее эссе Н. Эйдельмана «Где и что Липранди?..» Привлекая новые материалы — результат своих широких поисков,— автор пытается в свете их по-новому посмотреть на эту своеобразную личность. Как ни остроумны многие догадки Н. Эйдельмана, как ни занимательны его логические построения, это все-таки только новая версия. И она мало чем отличается от версии, выдвинутой в свое время (1941 год!) П. А. Садиковым, версии, которую условно можно было бы назвать вариантом метаморфозы. Неопровержимых доказательств нет и здесь.*

найтись. Дело было д е л и к а т н о е, и кто знает, к каким средствам конспирации мог прибегнуть профессиональный разведчик, если его собирались надолго внедрить в среду, о которой правительству хотелось знать возможно больше из первых рук.

Смена личины... Как не прийти на ум этим словам, когда читаешь потрясающую по своему откровенному цинизму тираду самого Липранди:

«Во время разгара страстей легче подмечать слабые их (умов.— Ю. К.) стороны; для того необходимо только избрание лица, вмещающего в себя не одни только умственные способности, но и необходимые свойства: народность *, уменье привлечь к себе расположение, ибо я никак не допускаю себе думать, чтобы человек, ловкий в обращении, проницательный, не мог сделать скоро связей, и, иду еще далее, чтобы он не приобрел доверенности, для чего нужно два-три ничтожных случая, которыми уметь только воспользоваться...» **

Правда, он писал это в 1860-х годах, уже обогащенный провокаторским опытом по делу о кружке Петрашевского, где в соответствии с подобными же его инструкциями действовал его агент и выкормыш Антонелли. Но — обратите внимание! — как этот портрет, вернее личина идеального провокатора, напоминает самого Ивана Петровича периода 1820—1826 годов!

В самом деле: «разгар страстей» был; «лицо... имеющее необходимые свойства» — сам Иван Петрович — имелось; «ничтожные случаи», которыми надо было «уметь только воспользоваться»,— предоставлялись ему в то время в достатке.

Но это лишь умозаключение, а не бесспорное доказательство. И я его привожу, не настаивая на его достоверности, только как пример сложности вопроса. И обвинять, и оправдывать надо доказательно. Умозаключение базируется на логике, доказательства — на фактах, на документах. Пусть не на таких прямых, как позорная «Записка» о кружке Петрашевского, а на косвенных.

Тогда-то, может быть, и пригодятся «тагильские тетради» Липранди, особенно «Опись». Вот, скажем, пресловутые неоднократные отставки Ивана Петровича. Некоторые исследова-

---

* *Здесь, конечно, в смысле — маскировка под народность.*

** *Цитирую по статье С. Штрайха «Знакомец Пушкина — И. П. Липранди».— «Красная Новь», 1935, кн. 2, стр. 215.*

тели даже приводят их в доказательство «обид» Липранди на свое начальство и — как следствие — уход от надоевших ему разведывательных дел.

Но даты и место написания рукописей, аккуратно проставленные Иваном Петровичем в тагильской «Описи», говорят о другом — что он и в эти годы не оставляет разведывательной службы, только несет ее, так сказать, в тени: составляет докладные записки, обрабатывает секретные донесения и т. п. Вспомним, что Пушкин, рисуя портрет отставного офицера Сильвио со своего доброго знакомого Липранди (при Пушкине в Кишиневе тоже пребывавшего некоторое время в отставке), вставил примечательную, на наш взгляд, фразу: «Источники его доходов были покрыты для всех тайной». И, если порыться в платежных документах штаба Воронцова за те годы, может быть, там встретится и фамилия Липранди, «состоявшего в отставке»?

Таких ниточек в тагильской «Описи» можно найти не одну.

ВАЛАХИЯ — ТАГИЛ?

Даже судя только по тагильской «Описи», архив Ивана Петровича Липранди был огромным, как-то непостижимо большим для кочевого образа жизни его хозяина.

Но — был архив, и — нет его. Правда, довольно значительное количество бумаг сохранилось в разных наших архивах (ЦГИА СССР, отделах рукописей публичных библиотек Москвы и Ленинграда, Исторического музея, Пушкинского дома и в других), однако многого, в том числе главного, что хотелось бы видеть, нет. Нет писем Пушкина и бумаг, связанных с его именем, нет дневника Липранди, который он вел, как сам засвидетельствовал в печати, «с мая 1808 года и по сей день (1870-е годы.— Ю. К.); включая в себя все впечатления дня до мельчайших подробностей, никогда не предназначавшихся для печати».

Куда это все девалось — исследователи до сих пор гадают. Возможно, что было укрыто за границей (на это намекал сам Иван Петрович), возможно, что уничтожено или пропало. Но весьма возможно, что и сохранилось где-то в неожиданном месте. Ведь вот нашлись же в Ташкенте 189 книг с подписью Липранди.

И вот еще — Тагил...

Но как же попали тетради Липранди в Тагил? Нет ли здесь и других его бумаг? Увы, других бумаг пока не найдено. А что касается истории тех, что есть, то она таинственна, как и все, что связано с именем Липранди *. Тут можно высказать лишь одно предположение. Оно связано с именем Авроры Карловны, о которой говорилось выше.

Здесь стоит вспомнить, что самые поздние рукописи, перечисленные в «Описи» Липранди, датированы 1854 годом. А именно в это время... Впрочем, расскажем по порядку.

Муж Авроры Карловны, Андрей Николаевич Карамзин, хотя и учился в Дерптском университете, стал военным и с 1838 года служил в конной гвардии. В 1848 году, после женитьбы и затянувшейся на целый год свадебной поездки во Францию, вышел в отставку и стал помогать жене в управлении тагильскими заводами (приезжал сюда в 1849 и 1853 годах). Однако, когда в июне 1853 года началась русско-турецкая война, отставной гвардейский подполковник снова надел военную форму и в марте 1854 года вступил в гусарский полк Дунайской армии (уже в чине полковника). Увы, боевая служба его продолжалась недолго — 16 мая, безрассудно приняв неравный бой с превосходящим по силам и по обстановке противником, он погиб сам и погубил свой отряд.

Это случилось в Малой Валахии, под городком Крайовом. Тело его предали земле там же, но Аврора Карловна, очень любившая мужа, немедленно по получении известий о его гибели отрядила на место событий посланца — секретаря покой-

* *Таинственность и загадочность, окружавшие имя Липранди как при его жизни, так и после смерти, каким-то роковым образом откликнулись и в истории с тагильскими тетрадями. Когда спустя год после знакомства с ними я снова приехал в Тагил, оказалось, что их... нет.*

В библиотеке музея был уже новый работник. Бумаги Липранди не имели отдельного инвентарного номера и при передаче не фигурировали, так что трудно было даже установить, когда и при каких обстоятельствах они исчезли. И вдруг тетради снова выплыли на свет божий. И тоже необычным образом — одна была подкинута в почтовый ящик работника музея, другая обнаружилась в том же музее, на шкафу, третья подброшена в отделение милиции, остальные — еще куда-то.

иого, Иосафата Огрызко. Служащий (библиотекарь) Тагильской конторы, ссыльный поляк Адольф Янушкевич писал в те дни родным: «...Желая хоть чем ннбудь утешиться, пани Аврора посылает на берег Дуная Огрызко, чтобы тот приложил все усилия к розыску останков ее милого мужа». Посланец выполнил миссию — разыскал и привез останки своего бывшего шефа. И, возможно, не только останкн, но и остатки его имущества. Не с ними ли и были прихвачеиы бумаги Липранди, которые могли оказаться в те дни у А. Н. Карамзина?

Конечно, это лишь предположение, но стоит заметнть, что начальником Карамзина, командиром 30-тысячного отряда Дунайской армии был... Липранди. Нет, не Иван Петрович, а его брат Павел. Но и сам Иван Петрович имел отношение к операциям иа Дунайском фронте — опять-таки как военный разведчнк. Полковник Карамзин только что прнбыл в действующую армию, и рукописи о Боснии, Албании, Сербии и Придунайских княжествах былн ему необходимы для ознакомления с военно-историческими и экономико-статистическими материалами о театре военных действий.

Пока в Тагиле обнаружились только пять тетрадей Липранди. Но, может, их было больше? Фонды местного архива, в частности так называемый «Частный фонд Демндовых», где хранится переписка и прочее, исследованы слабо. Так что ожндание иовой неожиданной иаходки не так уж безнадежно.

Но есть и еще ииточки и зацепки. Иосафат Огрызко, ездивший в Валахию за телом и имуществом А. Н. Карамзина, был не просто секретарем «состоятельиого лица», но и в какой-то степени его другом. Впоследствии он стал видным польским политическнм деятелем, издателем газеты «Слово», в 1864 году был арестован за прикосновениость к восстанию 1863 года, приговорен к смертной казнн, замененной каторжными работами. Имел он какое-то отиошение н к герценовской вольной печати. А что, если пан Иосафат, окажись он причастным к тетрадям Липранди, оставил что-то из бумаг и себе? Ничего невероятного в этом нет.

Нет, перспективы поисков не безнадежны. Подождем, поживем и, может быть, увидим — и новые документы, проясняющие истинное лицо И. П. Липранди, и те самые «две молдавскне повести», о которых мы так и ие зиаем главного — пнсал ли их Пушкин или... мы просто неправильио понимаем слова о них Ивана Петровича. «Дело Липранди» не кончено. Оно ждет продолжения.

Книжные встречи

ЗАГАДКА «ТОБОЛЬСКОГО ШИЛЛЕРА»

Еще в школьные годы мне запало в память, что Шиллер печатался в Тобольске. С Шиллером и его биографией я был знаком смутно, лишь через переводы Жуковского, томик которого был спутником моего детства, да через беллетризованный биографический очерк Ал. Алтаева. Но ни там ни тут упоминания о Тобольске не было. К тому же, хотя город этот и входил в состав тогдашней Уральской области, но отстоял далеко от моих родных среднеуральских мест. Но вот запало почему-то в память, и все тут...

Позднее уверенность в *Тобольском Шиллере* даже укрепилась. Я уже знал, что Тобольск, этот древнейший из городов Зауралья и Сибири, может подивить многими примечательными моментами из своей истории. Там был заведен один из первых в российских провинциях театр, основанный Филофеем Лещинским в 1703 году. Там в 1789 году появился второй в России провинциальный журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»... Словом, город с богатой неожиданностями историей. Поэтому я и не удивился, когда однажды встретил репродукцию титульного листа немецкой книги, с указанием на то, что она издана в 1782 году в Тобольске.

Но, конечно, это только поначалу не удивился. А потом задумался.

Книга называлась «Anthologie auf das Jahr 1782». Там, где обычно упоминается место издания, стояло: «Gedruckt in der Buchdruckerei zu Tobolsko», то есть — «напечатано в типографии Тобольской». И хотя год издания не упомянут, ясно, что антология на 1782 год должна была выйти в свет в том же 1782 году.

В 1782-м? Но, позвольте, ведь известно, что первая типография в Тобольске открылась лишь в 1789 году. И это точно, никаких новых открытий тут быть не может, такое событие никак не могло бы пройти незамеченным историками и летописцами. Что за мистика?

А может, не мистика, а *мистификация*, то есть «выдумка, имеющая целью обмануть, ввести кого-либо в заблуждение», как объясняют словари?

Такие *выдумки* в истории книгопечатания не редкость. Одни делали это ради озорства, другие — по нужде, желая

увести поиски следов крамольного издания в другую сторону. Так, например, печатались многие русские революционные брошюры и книги. О распространенности подобных мистификаций свидетельствуют издавна составляемые «Справочники ложных мест печатания». Двухтомный немецкий справочник Веллера, изданный в Германии в 1864 году, охватывал 12 тысяч названий!

Но если здесь, в случае с «Антологией», мистификация, то чем вызвана? Кто виновник?

Вот тут-то и выяснилась давняя загадка — виновником оказался не кто иной, как великий немецкий поэт и драматург Фридрих Шиллер.

На путь мистификации его толкнуло следующее обстоятельство. В 1782 году поэт Готгольд Штейдлин, бывший одно время другом юного Шиллера, задумал издать сборник новых стихов молодых штуттгартских поэтов — «Швабский альманах муз на 1782 год». Шиллер, узнав об этом, послал для него несколько своих стихотворений. Но все они, за исключением одного, были отвергнуты — Штейдлину пришелся не по вкусу их бунтарский характер. Обиженный Шиллер решил в пику этому альманаху, составленному из пресных *благонамеренных* стишат, издать свой, куда и поместил отвергнутые Штейдлином произведения, дополнив их несколькими стихами своих единомышленников.

Так появилась «Антология на 1782 год», помеченная для отвода глаз как изданная в Тобольске. Свыше восьми десятков стихотворений, принадлежавших пяти поэтам, имели в качестве подписей двадцать четыре шифра. Автором большинства произведений (более шестидесяти) был сам составитель, поэтому биографы писателя называют этот сборник «крупнейшим памятником лирики молодого Шиллера».

Анонимность авторства и мистификация с местом издания понадобились Шиллеру по вполне понятным соображениям — он уже имел столкновение с владетельным швабским герцогом Карлом-Евгением в 1779 году, когда из-за вольнодумной своей диссертации «Философия физиологии» был выпущен из Академии на год позднее. А тут еще опасная популярность только что вышедшей его драмы «Разбойники»... Поэтому указание на Тобольск звучало здесь как *ищи ветра в поле*.

Но и не только поэтому. Когда я наконец добрался до самой «Антологии» в одном из наших крупнейших книгохра-

нилищ, то обратил внимаиие иа предисловие, о котором до этого иичего не знал. Кляня себя за скверное зиаиие немецкого языка, с трудом продираясь сквозь дебри готической вязи старинного шрифта, обиаружил, что Шиллер довольно прозрачио иамекнул на причину выбора Тобольска как фиктивиого места издаиия.

Штейдлии, издавая свой сборник благонамеренных, верноподданиых стихов, поместил на обложке его виньетку — музы греются в лучах солица, восходящего над страной. Шиллер же, полемизируя с иим в предисловии, говорит: нет, не в лучах солица купаются музы монархической Швабии, а стыиут под студеиым с е в е р н ы м ветром иевнимания и гонений. Тобольск же в то время был известен в Европе как символ далекого и сурового Севера.

Известности Тобольска способствовало в первую очередь то, что еще в Петровские времеиа иаладилась регуляриая караванная торговля Москвы (а следовательно, и Европы) с Китаем через Сибирь. Следствием того явились миогочисленные дневники путешествий, записки страиствующих купцов и учёных. Никто из них иикак не мог мииовать Тобольска и, коиечно, упоминал о нем. Даже Даииэль Дефо, выпуская второй том нашумевшего во всем мире «Робинзона Крузо», заставил своего героя побывать в Тобольске.

Еще больше увеличился поток литературы о Сибири (а Тобольск считался с т о л ь н ы м городом ее) после того, как на родину, в Европу, стали возвращаться шведские солдаты и офицеры, попавшие в плеи иа поле Полтавской битвы. Большинство их отбывало ссылку в Тобольске, и поэтому он занимал немалое место в воспомиианиях и сочинениях. Литература о Сибири стала особеиио популярной в Германии после Семилетней войиы 1756—1763 годов, в итоге которой многие немецкие вояки попали в ссылку в Сибирь, а возвратившись, так же как и шведы, оставили немало сочинений об этом крае.

Шиллер не мог не знать этих сочинений, и описание в них Тобольска, безусловно, не раз встречалось ему. Кроме того, выясиилось, что одиовремеино с Шиллером в Карлсшуле — воеииой академии в Штуттгарте — учились молодые русские офицеры, среди которых были и такие, кто имел отношение к Уралу и Сибири. От их рассказов, как и от многочисленных сочииений о Сибири, у молодого поэта и могло создаться небезосиовательное представлеиие о Тобольске как

об этаком крае света, куда хоть сто лет скачи, не доскачешь.

...И все же иной раз я возвращался к мысли: откуда я взял сведения о Тобольском Шиллере в детстве? Литературы, которая мне впоследствии помогла решить эту загадку, я тогда не знал, ученых шиллероведов около не было... И вот совсем недавно, когда я, сидя у одного московского книголюба, рассказывал ему о своих книжных поисках, в том числе и этом, его дочь, принимавшая участие в беседе, молча встала, ушла в свою комнату и вернулась с книгой, раскрытой на странице, где я прочитал: «...Это действительно были экземпляры шиллеровской трагедии... без имени автора, с обозначением, что она напечатана в Тобольске». Это была книга «Шиллер и Гете. Три рассказа из истории немецкой литературы. Составлено по Огорну и Эрлиху». Она вышла в 1912 году вторым изданием в серии «Всемирные светочи. Рассказы из жизни великих людей».

Трагедия Шиллера (подразумевались «Разбойники») тут была, конечно, совсем ни при чем. Но это значит, что легенда о Тобольском Шиллере жива была и в самой Германии.

ЧИТАЯ МАМИНА-СИБИРЯКА

Для нас, уральцев, Д. Н. Мамин-Сибиряк дорог не только как замечательный писатель, посвятивший почти целиком свое творчество родному краю, но и как один из самых выдающихся краеведов Урала — и историк, и географ, и этнограф, и экономист, и археолог... Поэтому каждый, кто любит Урал и изучает его, с пользой для себя читает и перечитывает все, написанное Дмитрием Наркисовичем. Иногда за одной лишь какой-то его строчкой неожиданно находишь нечто новое, ведущее порой к любопытному открытию.

Вот и на этот раз, перечитывая как-то малоизвестный автобиографический очерк его «О книге» из цикла «Из далекого прошлого», наткнулся на строки, где Мамин вспоминает о старых книгах, с которыми ему приходилось встречаться в детстве.

«Совершенно особый отдел среди этих старинных книг,— писал он,— составляли старинные учебники, по которым выучилось не одно поколение. Они были напечатаны на толстой и твердой, как кожа, бумаге, а для прочности края листов были смазаны маслом. Особенно любопытен был арифметический задачник издания 1806 года «Собрание шестисот пятидесяти одного избраннейшего примера, в пользу юношества, учащегося арифметике, под смотрением преосвященнейшего Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского, взятых несколько из книг, но по большей части новоизобретенных посильными трудами Алексея Вишневского, учителя математики в новоучрежденной Пермской семинарии». В числе приведенных «экземпляров» находились такие, которые решались по какому-то «слепому, или девичьему» правилу, а под № 375 находилась такая задача в стихах:

Нововыезжей в Россию французской Мадаме
Вздумалось ценить свое богатство в чемодане:
Новой выдумки нарядное фуро
И праздничный чепец а ля Фигаро.
Оценщик был Русак.
Сказал Мадаме так:
«Богатства твоего первая вещь фуро
В полчетверти дороже чепца а ля Фигаро:
Вообще же стоит ие с половиной четыре алтына,
Но настоящая им цена всего только половина».
Спрашивается всякой вещи цена,
С чем французская Мадам к Россам привезена?

Решение задачи: «цена фуро $5^1/_4$ алтына, чепцу $1^1/_2$ алтына».

Впоследствии я встретил еще один экземпляр этой удивительной книги, составляющей библиографическую редкость».

Как было не заинтересоваться такой книгой! По ней учились наши уральские предки. Похоже, что и издана она была на Урале, в Перми.

Однако все издания тех начальных лет уральского книгопечатания известны наперечет и в их числе такой книги не значится. Пропустили историки печати? Тогда тем более интересно ее найти.

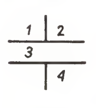
А как? Редкостью она была, как подчеркивает Мамин, еще в его времена...

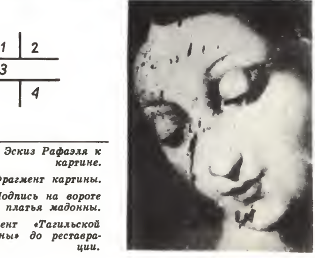

«Мадонна» из Лувра.

Церковь Санта Мария дель Пополо в Риме.

1 — *Эскиз Рафаэля к картине.*

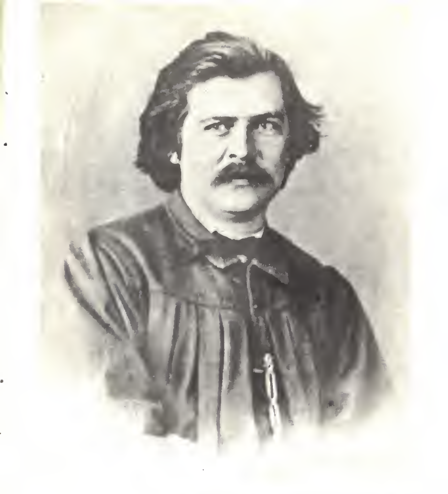
2 — *Фрагмент картины.*

3 — *Подпись на вороте платья мадонны.*

4 — *Фрагмент «Тагильской мадонны» до реставрации.*

«Портрет неизвестного» из Пермской художественной галереи. Фрагмент.

А. Д. Херувимов. Фотография 1870-х годов.

Anthologie

auf das Jahr

1782.

Gedruckt in der Buchdruckerei
zu Tobolsk.

Титульный лист „Anthologie auf das Jahr 1782"

СОБРАНІЕ

[illegible]
[illegible]

ВЪ ПОЛЬЗУ ЮНОШЕСТВА,

учащагося

АРИѲМЕТИКѢ,

подъ смотрѣніемъ

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО

ІУСТИНА,

[illegible]

[illegible]

[illegible]

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи.

1806

1807 Года Генваря 27го [illegible]

[illegible]

Преосвященнѣйшаго Іустина

Епископа [illegible]

1	2
3	

1 Титульный лист «Антологии на 1782 год».

2 Титульный лист задачника Вишневского.

3 Надпись на одном из экземпляров задачника.

1

2

1 *Н. Х. Рыбаков (справа) в роли Несчастливцева.*

2 *Обрывок афиши труппы Херувимова.*

Золотой самородок «Заячьи уши».

В свердловских библиотеках книги не оказалось. На запросы, посланные в три десятка крупнейших книгохранилищ страны, пошли неутешительные ответы.

Фундаментальная библиотека по общественным наукам Академии наук СССР — «нет»...

Научная библиотека Томского университета — «*к сожалению, нет*»...

Саратовского университета — «*отсутствует*»...

Горьковская областная библиотека — «нет»...

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — «*интересующая Вас книга в нашей библиотеке отсутствует*»...

Ну уж если отсутствует в этой крупнейшей нашей книжной сокровищнице, то надежды на успех мало.

Не ошибся ли Дмитрий Наркисович, не перепутал ли что-то в описании книги? Писал-то он о ней в конце девяностых годов прошлого столетия — лет тридцать прошло с детской поры, о которой вспоминает в очерке. Однако уж очень уверенно цитирует он книгу, явно не по памяти, а держа ее в руках... Кстати, нет ли ее в остатках его личной библиотеки, хранящейся в Свердловском мемориальном музее писателя?.. К сожалению, среди этих 128 книг той, что хотелось найти, не оказалось.

Может, в самом деле не было такой?

А ну-ка, что скажет Сопиков, «отец русской библиографии», сослуживец И. А. Крылова по Императорской публичной библиотеке? В его пятитомном «Опыте российской библиографии», вышедшем в 1813—1821 годах, учтены по горячим еще следам почти все книги, изданные на Руси от Ивана Федорова до... ну, естественно, до выхода «Опыта» в свет.

Нет, не напрасно закрепился столь высокий *титул* за самоучкой, купеческим сыном Василием Степановичем Сопиковым, ставшим *по собственной охоте* видным книгопродавцем, переводчиком и библиографом,— его «Опыт», несмотря на неизбежные пропуски, незаменимый справочник для библиофила! Вот и маминская книга не прошла мимо его глаз — она описана в томе четвертом под номером 11002.

Тем временем подошло сообщение от знакомого ленинградского библиографа А. В. Влюма, которому я как-то рассказывал о своих поисках. Он перепроверил наличие книги в публичной библиотеке по генеральному каталогу на разные варианты заглавия. Увы, безуспешно.

Зато он нашел ее, конечно, у Сопикова. А еще — в трехтомнике В. В. Бобынина «Русская физико-математическая библиография». Этот Бобынин, кстати, и помог ему найти все-таки в Ленинграде столь неуловимую книгу. Дело в том, что Блюм знал: при составлении своего указателя Бобынин активно использовал книжные фонды Академии наук. А раз так, то нет ли книги Вишневского в библиотеке Академии? Догадка оказалась правильной — задачник нашелся там в отделе редкой книги.

Но к тому времени и у меня подошла полоса удач и находок. После серии писем о «нет» и «отсутствует» из библиотек стали прибывать и утешительные вести. Ленинская библиотека сообщила, что в ее фондах задачник Вишневского есть. Обнаружился он и в Московской научной библиотеке по народному образованию имени Ушинского, и в научной библиотеке МГУ, и в Пермской областной библиотеке имени Горького, а в научной библиотеке Казанского университета оказалось даже две такие книги.

Но — и все. Нашлось только семь задачников. Вероятно, книга все же есть еще где-то, но едва ли в десятках, и уж конечно не в сотнях, экземпляров. Недаром, сообщая о наличии ее, библиотеки опасливо предупреждали, что она «находится в уникальном фонде и никаким пересылкам не подлежит».

Но я и не собирался покушаться на это, а если бы даже кто-то и предложил по незнанию, то непременно отказался бы, предупредив о редкости книги.

Тем более, что в этом уже и не было необходимости, в эти же дни меня ждал сюрприз: книга нашлась совсем под боком — в собрании моего давнего доброго друга, выдающегося уральского краеведа и собирателя Владимира Павловича Бирюкова.

Был у нас на Урале такой человек, чье имя знакомо каждому, кто хотя бы в самой малой степени причастен к изучению края. Истый подвижник по натуре, он за свою долгую жизнь (он прожил 83 года и умер в 1971 году) составил колоссальное по объему, уникальное по значимости собрание книг, периодики, документов, картотек, фольклорных записей, рукописей и личных фондов замечательных деятелей Урала и передал все это безвозмездно государству. «Бирюковская копилка», как любовно зовут краеведы это собрание, сейчас стала отделом Государственного архива Свердловской

области и то и дело радует нас ожиданными и неожиданными находками.

Не очень уверенный в успехе, я обратился к Владимиру Павловичу с вопросом — не встречалась ли ему такая книга, помня, что сам он некогда учился в Пермской семинарии.

— Встречалась,— услышал я в ответ.— Хотя я учился уже не по ней. Есть она у меня. Приходите, посмотрите...

Пришел (нет — прибежал!). Посмотрел от первой до последней страницы. Скопировал все надписи прежних владельцев.

Это была скромного вида книга форматом и н - о к т а в о (то есть в восьмую долю листа), в картонном, крытом розоватой обложечной м р а м о р н о й бумагой переплете с кожаным корешком и углами. Трогательная, присущая веку особенность — неровные края некоторых страниц, не уместившихся в формат печатного листа, такого, как писал Мамин, «толстого и твердого, как кожа». В книге 162 страницы основного текста и четыре страницы п о г р е ш н о с т е й. И любопытная надпись. Но о ней потом...

Не знаю, каково значение задачника с точки зрения специалиста по истории преподавания математики в России, но для краеведа он, несомненно, интересен.

Примечательно уже то, что п р и м е р ы здесь собраны не простые, а рассчитанные на ученика, уже знакомого с начальной арифметикой. Здесь задачи (и примеры решения их) «на правила квадратных и кубических чисел», на десятичные дроби, на тройное правило — прямое и обратное, на «правило товарищества», на «правило смешения», на правила «фальшивое», «слепое, или девичье», на прогрессии — арифметическую и геометрическую. Словом — арифметика на высоком уровне. И где — в далекой провинции!

Пример в стихах, приведенный (кстати, не совсем точно) Маминым-Сибиряком, оказался, увы, единственным, хотя учебники в стихах в те годы не были редкостью. Тот же А. В. Блюм сообщил мне, что у него есть учебник горного дела в стихах, изданный в 1781 году в Геттингене.

В основном примеры обычные: «Купец продал, некто купил...», «Путник шел из города А...», «Трое нашли мешок с яблоками...». Но есть и такие, что отражали чисто местные особенности, например, задачи на перевозку меди и железа — типичное для горнозаводского Урала дело.

«Некто подрядил везти 30 пуд меди через 6 верст, заплатил 2 руб.; то надобно знать, сколько должно заплатить с 80 пуд чрез 40 верст?»

Или вот такой, из повседневного семинарского быта: «Учитель наказал ученика за леность, и дал ему ударов столько, что ежели бы еще столько, $^{1}/_{4}$, $^{1}/_{6}$, сумму сего, сверх того вычесть 18, то бы дал он ему 40 ударов; и. з. (надобно знать.— Ю. К.) сколько дано ударов ученику? Отв(ет) — 12 стол(ько) дано ударов».

Вероятно, составитель ожидал, что такой п р и м е р будет способствовать быстрому решению задачи.

Книга для нас интересна, как первый на Урале учебник. Но издан он почему-то в Москве, в типографии Московского университета, хотя в Перми в те годы уже была своя типография. Основанная в 1792 году, она успела выпустить несколько интересных книг (в том числе первое руководство по типографскому делу). Но это будет понятно, если знать, что в то время Пермская губернская типография пришла в упадок и первые три десятилетия XIX века занималась, в сущности, только размножением канцелярских бумаг.

А о самой истории появления книги рассказывает предисловие составителя, посвященное епископу Иустину.

«...Чьи очи не видят, колико Вы печетесь между прочими делами и о насаждении Наук и знаний в новой Пермской Семинарии? До прибытия Вашего Преосвещенства, ученики не имели приличных покоев, коих теснота препятствовала даже и успехам в учении; но Вы уготовили им свободное для учения жилище на приятнейшем бреге изобильной струями реки Камы, наводняющей и утучняющей луга и поля наподобие Нила. Вы разделили время для преподавания Наук так благоразумно, что Учителям учить, а ученикам учиться и преуспевать в Науках удобно можно без всякого сил изнурения... По Вашему мановению из Лейпцига в Пермь прилетело знаменитое отборных и самонужнейших всякого рода книг собрание, которыми, купно и инструментами Математическими и Физическими, яко многоценною утварию, великолепно украшать и наполнять не престаете Семинарскую Библиотеку и наполнять не престаете частым нужных книг прибавлением... Вы не пропустили златого случая показать их (знания учеников.— Ю. К.) на благорассмотрение мужам, и по знаниям и по учености знаменитым... купно и Профессорам Академии Наук, шествующим чрез Пермь в Пекин... Вы меня вручили

искуснейшему Народного в Перми Училища Учителю, Господину Иоакиму Меньзековскому; под его рачительным руководством я научился Математике, а по Вашему благоволению сделан Учителем...»

Если бы это было обычное славословие в адрес *благодетеля* — начальника или мецената, я не стал бы так обильно цитировать его. Но здесь интересные штрихи из истории края. И *книг собрание* из Лейпцига, пришедшее в Пермь, и экзамен семинаристов учеными, следовавшими в 1806 году с миссией графа Головкина в Китай для сопровождения подарков русского царя богдыхану, и заботы об образовании семинаристов самого Иустина.

Ясно, что инициатором создания книги был именно Иустин. Поэтому стоит сказать несколько слов и о нем.

Иустин Вишневецкий (по другим сведениям — Вишневский) до этого шестнадцать лет прослужил за границей при русских посольствах в Венеции и Вене, а до назначения в Пермь, в 1802 году, — викарным епископом в Казани. Успел он побывать и преподавателем — в Рязанской семинарии и в Петербургском инженерном кадетском корпусе. Не был чужд наукам и сочинительству — современники высоко оценивали его книгу «Полная грамматика словенского языка».

В Перми Иустин деятельно принялся за перестройку основанной незадолго до его приезда семинарии — добился приобретения нового здания, закупил для нее в Лейпциге библиотеку, куда передал и свое книжное собрание. И как свидетельствует историк Перми А. А. Дмитриев, «при нем значительно расширено преподавание математики: семинаристы теперь стали изучать кроме арифметики алгебру, геометрию, тригонометрию, механику и физику».

В одном из источников я даже нашел утверждение, что при распределении приходов выпускникам семинарии Иустин лучшие места предписывал давать тем ученикам, которые «кроме прочих знаний в философии и богословии содержат твердо в памяти математику».

Владельческие надписи, обнаруженные на книгах, показали, что Иустин не ограничился выпуском задачника и введением его в семинарский курс. Он продвинул книгу и в *глубинку* (как сказали бы мы сейчас) — в далекие епархии и приходы, в надежде, что бывшие семинаристы не оставят занятия нужной в обыденной жизни наукой и в дальнейшей своей деятельности.

Так, надпись на книге из собрания В. П. Бирюкова гласит:

«1807 года, генваря 2-е/ч поступила сия книга Вознесенской слободы к Вознесенской церкви со взысканием за оиую двух рублей пятидесяти копеек. Свидетельствую протоиерей Иоанн Милованов».

А ниже, другим почерком, добавлено:

«Сия книжица в Вознесенскую слободу к Вознесенской церкви полученная чрез присутствующего (члена.— Ю. К.) шадринского духовного правления протоиерея Иоанна Милованова из присланных уже второю для лучшего знания всех священноцерковно-служителей тщаиием преосвященнейшего Иустина Епископа Пермского и Екатеринбургского и кавалера...»

Тут уже сказано без обиняков: для лучшего знания да еще повторно — чтоб не сослались на утерю.

Надпись на пермском экземпляре сделана скрепой, как это делали канцеляристы на законченных делах — через всю книгу по слову или по части слова на листе: «Сия книга села Иргииского Крестовоздвиженской церкви». И подчеркнуто: «Казенная». А из надписи на форзаце можно узнать, что книга была получена 17 декабря 1806 года, то есть вскоре после выхода в свет.

Два рубля с полтиной для того времени — сумма немалая, и потому Иустин обеспечил покупку ее за счет казенных сумм, понимая, что книга эта нужна будет сельскому попу, часто единственному грамотному человеку в своем приходе, к которому шли за «консультацией» по самым разнообразным житейским вопросам — не для отвлеченного лучшего знания, а для повседневного практического использования.

Таким же путем, вероятно, попала книга и в семью Маминых, где и отец и дед были люди духовного звания.

А что в задачнике встретился и стихотворный пример, то это, оказывается, не случайно. В IV выпуске «Трудов Пермской ученой архивной комиссии» мне встретились воспоминания старого семинариста М. И. Капустина «Поэзия и проза в старой Пермской семинарии». Из них видно, что «в старой семинарии страстно любили вирши... Сочинением «хороших стишков»... можно было загладить перед учителем какую угодно школьную шалость или проделку... Сам Иустин любил и особенно ценил стихотворные работы семинаристов.

В 1813 году были представлены ему... три ученические «оды», и он за свой счет приказал выбрать в магазине три хорошие книги (цены от 3 до 5 рублей) для подарка их авторам... Премированные стихи приказано было, в назидание грядущим поколениям семинаристов, хранить в семинарском правлении».

Автор статьи вспоминает и Алексея Вишневского, называя его племянником Иустина и «лучшим из всех тогдашних преподавателей семинарии».

Жаль, что пока не удалось выяснить дальнейшую судьбу составителя задачника. Но я уверен, что какая-нибудь новая находка откроет нам и это. А пока — спасибо Дмитрию Наркисовичу: и на этот раз помог восстановить, может быть, мелкие, но интересные штрихи истории края.

КНИГИ-СОЛДАТЫ

...Вы с уважением ощупывайте их,
Как старое, но грозное оружие!

У каждого книголюба на полках его библиотеки есть заветные уголки. У одного там уникальная старопечатная книга, у другого — редкий экземпляр раннего Блока с авторскими пометками, у третьего — коллекция уничтоженных царской цензурой изданий, у четвертого — ничем с виду не примечательный, потрепанный томик госиздатовского Лермонтова, памятный хозяину библиотеки тем, что прошел с ним пути-дороги трудной поры его жизни...

Есть такие заветные уголки и на моих книжных полках. Иногда взглянешь на них, даже на расстоянии, и теплее становится на сердце, словно обменялся взглядом с близким тебе старым другом. Иной такой уголок-друг напомнит о полных неожиданных приключений многолетних поисках желанного издания. Другой — о волнующих часах общения с талантом, ставшим для тебя одной из вех на твоем читательском пути. Третий...

А такой вот третий, на который я взглянул недавно, словно бы ответил мне укоризной и напомнил об одной незаслуженно забытой категории печатных изданий.

Книги в этом уголке даже видом своим заметно отличаются от собратьев на других полках — грубая бумага, слепая печать, потрепанные, видавшие виды обложки.

Но, хотя я и сам всегда нелицемерно любуюсь добротно и красиво изданной книгой — старой или новой,— отдавая дань восхищения вкусу и мастерству создателей ее — полиграфистов и художников,— все же эти невидные брошюрки, так сказать, *парии* библиофильского мира, мне дороги.

Это *книги-солдаты*, участники невиданной по размаху, незабываемой по напряженности битвы нашего народа на фронте индустриализации страны. Слова о фронте — не сегодняшняя метафора, а обиходное выражение тех лет, и книги наши тогда полноправно шли в одном строю с бетонщиками и землекопами, сталеварами и монтажниками на борьбу за построение фундамента нового мира — индустриальной базы государства трудящихся.

Вот они, участники и свидетели великого сражения: книжечки о Магнитострое и ЧТЗ, о Березниках и Уралмаше, о нижнетагильской «Вагонке» и первых МТС. Беру наугад из них стопку — о Магнитострое. Ого, весомо! Не каждое нынешнее строительство может похвалиться двумя-тремя десятками книг и брошюр, написанных только о нем, пусть не так уж талантливо по стилю, но боевито и злободневно; изданных пусть не богато, но оперативно и доступно. И все это за каких-нибудь два-три года!

Нет, право их хочется погладить с неменьшей нежностью, чем дорогой изящный «волюм» в марокене екатерининских времен.

Вот небольшая, размером чуть больше почтового конверта, 64-страничная книжечка «Гигант пятилетки», изданная в Свердловске в 1931 году. В беглых, как бы репортерских зарисовках встают перед вами героические будни исполинской стройки, в которой принимает участие вся страна. Неумелые, плохо отретушированные, но трогательные в своей неповторимости фотографии, говорящие не меньше, чем многие страницы описаний. Читая ее, ощущаешь себя не заезжим наблюдателем, восхищенным впервые увиденной строительной экзотикой, а заинтересованным лицом, непосредственным участником общего дела, негодуешь, увидев непорядки, болеешь бедой бригады, мучающейся на морозе с капризным заморским механизмом. Перелистнув последнюю страницу книги, тебе хочется бежать туда — в котлован домны, на плотину, на рудник,

чтобы тоже что-то делать, за что-то воевать, с чем-то бороться...

Вот такого же размера и такого же вида брошюрка литератора-краснознаменца А. Баранова, отображающая хронику небывалого строительного штурма одного из основных объектов Магнитостроя — плотины через реку Урал, сооруженной за одну зиму. Ее 37 страниц и через многие годы доносят до нас горячее дыхание тех дней.

А вышедшая в те же дни 1931 года и тоже в Свердловске книжечка М. Рудина «Героические дни Магнитогорска», самим названием говорящая о себе! А «Крокодил в Магнитогорске» Р. Романа — убедительный пример оперативной сатиры на конкретном животрепещущем материале! Не думайте, что это книжка-поденка, назавтра уже ставшая никому не нужной,— два года спустя я видел ее в руках у монтажников «Комсомолки» (так любовно звали домну № 2, сооруженную магнитогорской комсомолией, кажется, это была первая в стране комсомольская стройка). В обеденный перерыв ребята читали из нее не такие уж изящные, но зубастые стихи о лодырях, разгильдяях и бракоделах, заменяя имена тех, кому посвящались стихи тогда, именами тех, кому они адресовали их сегодня. Поверьте, что это было здорово!

А вот серия книжечек о том, что такое Магнитострой и зачем он нужен стране. Две брошюры с одинаковым названием «Магнитострой» — одна З. Островского (издана в Москве), другая А. Панфилова и А. Прохорова (Свердловск) и еще два близнеца с одним именем «Магнитогорск», но разных авторов — А. Маленького и Н. Миславского, а также изданная в Магнитогорске книжка Марьясина «Второй гигант горы Магнитной». Их везли тогда в южноуральскую степь в своих овальных фанерных баулах юноши и девушки с разных концов страны — добровольцы стройки как пропуск, как комсомольскую путевку на целину нашей индустрии.

А разве не драгоценны издания первых опытов молодых (да что там молодых — совсем еще юных!) литераторов Магнитки — рабочих парней, сменивших вечером лопату бетонщика и кусачки арматурщика на перо, чтобы поверить бумаге песни души, рожденные симфонией стройки.

В слове,
проходящем нараспашку,
разрешите,

радость не глуша,
говорить
о молодости нашей,
и о той,
которая прошла...

писал тогда бетонщик Борис Ручьев в стихе «Слово имеет юность».

И они говорили о своей юности: Б. Ручьев и В. Макаров, А. Ворошилов и М. Люгарин, П. Хорунжий и В. Белихов и многие другие, их молодые товарищи.

Не все они стали профессиональными писателями, не все дожили до наших дней, не все их произведения выдержали испытание временем. Но их звонкие молодые голоса донесли до нас живое дыхание эпохи.

Вот литературно-художественный сборник «Рождение чугуна» (Уралгиз, 1932). Он посвящен 15-й годовщине Октября и двухлетнему (о, тогда это казалось много!) юбилею литературной организации Магнитостроя. Едва ли мой старый товарищ Борис Ручьев включит стихи из этого сборника в свое «Избранное», но я знаю, как любовно перелистывает он сейчас эти памятные его сердцу страницы, свидетельства его боевой поэтической юности.

Вот «Буксир» — первый журнал Магнитки, именовавшийся «Рабочим литературно-художественным журналом Магнитостроя». Тираж его был 5700 экземпляров, издавался он недолго, но как же можно забыть его — эту первую трибуну рабочих литераторов Магнитогорска! А рядом с ним — массовые производственные журналы: «Магнитострой» и «За техническое вооружение» — энергичные организаторы технической мысли на строительстве.

...Все они стоят сейчас на книжной полке в чинном строю как ветераны былых битв — постаревшие и поблеклые, но не согнувшиеся, все еще готовые и к смерти, и к бессмертной славе. И, как подобает старым воякам, они с готовностью вступают в новые сражения, передавая опыт новым поколениям бойцов.

И не только историкам и литературоведам служат они в наши дни. Охотно черпают в них примеры трудовой доблести сегодняшние воспитатели молодежи. Как незаменимое пособие в рассказе о наших славных традициях используют их учите-

ля и музейщики. Ревностно разыскивают их коллективы — создатели истории фабрик и заводов.

Часто выходят они на работу и из моего заветного уголка. И я рад, что старая гвардия обретает свою вторую жизнь.

Но, увы, редеет строй старых бойцов... Одни из них уходят по неизбежности — время и обстоятельства неумолимо вывели их из строя. Другие — по небрежению их владельцев: что, дескать, толку в старой потрепанной брошюре-замухрышке! Много ли нужно времени, чтобы трех-пятитысячные батальоны книжек-солдат исчезли в огне печей, в мешках бойких сборщиков макулатуры, видящих во всякой бумаге лишь утильсырье.

А нет ли таких книжечек у вас в чулане, на чердаке, в ящике с макулатурой? Сохраните их от гибели, верните к жизни! Старые солдаты еще сослужат службу — в музеях, в библиотеках, в руках учителей, пропагандистов, историков.

ЗНАКОМИЛСЯ И ОДОБРИЛ...

Небольшая, в половину тетрадного листка размером, тощенькая — всего сорок страничек, невидненькая брошюрка на какой-то зеленовато-серой бумаге... Суховатое служебное заглавие «Дом Народного Просвещения в гор. Перми», официальность которого усиливается еще и грифом: «Утверждено Перм. Окр. Исп. Ком. Сов. Рабоч., Крест. и Арм. Депутатов, в заседании 24 и 30 мая 1918 г.».

Ее я встретил в букинистическом магазине в Перми несколько лет назад. Стоила она всего-навсего пять копеек.

Встретил и обрадованно удивился — обычно наши букинистические магазины такие невидные книги не берут. А напрасно — сколько в результате этого гибнет в макулатуре редких изданий, ценных историко-культурных реликвий!

Что и говорить — спрос на них, конечно, не такой, как, скажем, на сойкинского Дюма, не в тот же день уйдет она с прилавка. Но в конце концов все равно найдет своего покупателя, который обрадованно вскрикнет, увидя книгу, дрожащими от волнения пальцами схватит ее и, не выпуская из рук, побежит к кассе.

Может встретить она и другого покупателя, который задумчиво полистает ее, припоминая и прикидывая что-то про себя («кто-то, кажется, спрашивал о ней...»), и, увидев невысокую цену книги, решительно приобщит ее к стопке уже отобранных.

Примерно так и рассуждает директор этого пермского магазина Владимир Михайлович Чайников, смело принимая для продажи такие вот невидные издания, ценность которых сразу определить трудно. Поэтому в магазине у Чайникова краевед почти всегда найдет для себя поживу — то изданную в начале века книжку стихов забытого уральского поэта, то «Сборник уездного земства», то номер какого-то уральского журнала первых советских лет... А то вот эта книжечка, которую я взял только потому, что знал, издания этих лет редки и их нужно беречь, кому-нибудь да она пригодится.

Но пригодилась она прежде всего мне самому.

Во-первых, она приоткрыла интересную страницу истории народного образования на Советском Урале в первый год власти трудящихся, в очень острый для нас момент. Стоит взглянуть на дату грифа, чтобы понять эту остроту: 30 мая на Урале уже бушевал белочешский мятеж, уже захвачен Челябинск, враг движется на Екатеринбург.

А тут — Дом народного просвещения, широкая, далеко идущая программа организации истинно народного, социалистического по всей сути своей образования, невиданного доселе комплекса массового комбината народного просвещения.

Вот строки из этой программы:

«Дом Народного Просвещения ставит своей целью создание такого учреждения, которое давало бы возможность каждому, стремящемуся к образованию и знанию, удовлетворить свои потребности и способности в области самых разнообразных интересов».

В этот комплекс должны были войти:

народный университет (он уже был создан и провел один учебный сезон) с отделениями — социально-юридическим (260 лекций и практических занятий), историко-филологическим (489), естественно-историческим (666) и медицинской группой (124);

народный политехникум с отделениями — образовательным (18 часов в неделю) и специальным, где предусматривалось изучение машиноведения, технологии металлов, металлургии, электротехники, строительного искусства, маши-

ностроения, гидротехники, дорожного строительства и сельского хозяйства (тоже по 18 часов в неделю по каждой специальности);

школа народного искусства, в которой предполагалось «воспитывать и совершенствовать те отрасли труда, которые имеют естественные корни в Пермской губернии» — чугунное литье, камнерезно-ювелирное дело, ковроткачество, вышивание, плетение кружев и др.

И университет, и политехникум, и художественная школа должны были иметь базу для практических занятий — свои мастерские, лаборатории, фермы, музеи, библиотеки.

Нельзя не восхищаться строго продуманной, очень новаторской для того времени системой организации учебного комбината, тщательно разработанными программами этого первенца социалистической системы народного образования. Ведь это — многолетняя мечта народа, принявшая реальные формы!..

Идея Дома встретила всеобщую заинтересованность и поддержку. Ее обсуждали на заседаниях Советов разных районов города, в профсоюзных и общественных организациях, на предприятиях (в особенности в цехах Мотовилихинского завода) — в «Приложениях» к брошюре даны списки их: 40 по Мотовилихе и 23 по Перми. Перечислены и «делегаты... и все заинтересованные лица, принимавшие участие в комиссиях ученого комитета и правления народного университета» — свыше 170 человек, среди которых встречаем имена профессоров Б. Ф. Вериго, А. Г. Генкеля, Б. В. Казанского, С. П. Обнорского, М. А. Павлова, К. Д. Покровского, А. А. Рихтера, партийных, советских и профсоюзных работников, инженеров, художников, рабочих.

Были составлены сметы, изысканы средства, подобраны помещения, однако события гражданской войны сорвали дальнейшее развитие дела — к осени, к началу учебного года бои шли уже на подступах к Перми, а 25 декабря колчаковцы захватили город... Но уже сам факт этого вполне готового осуществиться начинания интересен и дорог для нас и сегодня. И даже странно, что в трудах по истории советского Урала о нем можно встретить иногда лишь беглое упоминание.

Это — первое, чем была интересна брошюра. Но выяснилось и второе.

...О книжечке этой я вспомнил вновь, когда стал внимательно знакомиться с каталогом личной библиотеки В. И. Ле-

нииа в Кремле. На страиице 472 под № 5657 мие встретилось зиакомое название «Дом Народного Просвещения в гор. Перми», описание книги с важиым добавлеием — на обложке ее стояла надпись: «Н. Крупской».

Историю надписи и того, как попала брошюра в библиотеку Владимира Ильича, прояснили воспоминания одиого из иницнаторов н организаторов Дома иародного просвещения Г. К. Козьминых — оии были опубликоваиы в книге «В. И. Леиин и Пермский край», изданной Пермским издательством в юбилейном леиинском году.

В августе 1918 года автор воспоминаний присутствовал на Всероссийском съезде по просвещению как делегат от Пермского Губнаробраза и слушал речь В. И. Ленина, произнесенную на третий день работы съезда. В те дни и попала пермская брошюра в рукн Владимира Ильича.

«На другой день,— вспомииает Козьминых,— я был на приеме у Н. К. Крупской по делам рабочего уииверситета и политехиикума — Дома иародного просвещеиия в Перми-Мотовилихе, председателем правления которого я был в то время. Накануне я передал Надежде Константиновне брошюру — учебный план рабочего университета и политехиикума, список профессорско-преподавательского состава, сметы.

Встретив меня, Надежда Констаитиновна сказала: «Вчера и Владимир Ильич знакомился с вашей брошюрой. Он очень доволен организацией для рабочих университета и политехникума, одобряет учебный плаи, желает вам успеха. Владимнр Ильнч высоко ценит мотовилихинских рабочих, проснт передать нм привет».

В беседе выяснилось также, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская хорошо знают члена правления и одного из организаторов Дома народного просвещения — учеиого-ботаника профессора А. Г. Генкеля, с которым блнзко познакомились в 1907 году в дачной местности Стирсудден, где они тогда отдыхали после Лондонского съезда. Н. К. Крупская просила передать ему от Владимира Ильича и от себя глубокий поклон и привет. «Скажите ему,— добавила она,— что если он будет в Москве, мы будем рады увидеть его у себя в гостях».

О профессоре А. Г. Геикеле стоит сказать несколько слов особо — с его имеием также связаиы дорогие сердцу к и и ж н ы е в с т р е ч и...

Александр Германович оставил свои воспоминания о знакомстве с В. И. Лениным (они были напечатаны в пермской газете «Звезда»):

«...В одну бурную майскую ночь знакомый студент привез в яхте Владимира Ильича Ленина, которого я сразу же узнал... Через два-три дня на маленькой моей дачке... поселилась Н. К. Крупская с матерью Владимира Ильича и потекла их тихая рабочая жизнь. Владимир Ильич тогда приналег на литературную работу, и мне, примерно раз в неделю ездившему в Питер, приходилось возить к Бонч-Бруевичу и другим издателям чрезвычайно толстые рукописи, результаты упорного, усидчивого труда Владимира Ильича... У меня тогда скопилась недурная по тому времени социал-демократическая библиотека... Владимир Ильич ею много пользовался».

Но Ленин и Крупская ценили профессора Генкеля не только за оказанное гостеприимство. Они знали его как видного ученого-материалиста, пропагандиста дарвинизма в России, известного популяризатора науки, переводчика на русский язык творений Мора и Кампанеллы, предшественников научного социализма.

До переводов Генкеля эти основополагающие труды утопического социализма почти не были знакомы русскому читателю. Александр Германович дал в 1903 году первый полный перевод книги Томаса Мора «Утопия», а в 1907 году — сочинения Томаса Кампанеллы «Государство солнца». Но, кроме того, он перевел и такие известные труды ученых-материалистов, как «Естественная история миротворения» и «Борьба за эволюционную идею» Эрнста Геккеля, и отредактировал перевод его знаменитой книги «Мировые загадки». Как-то мало известно, что широко популярный до революции двухтомник Кернера «Жизнь растений» тоже переведен им (при участии В. Траншеля).

Книги эти до сих пор стоят на полках наших личных библиотек — они и сейчас «в работе», хотя свою основную просветительскую роль сыграли еще семьдесят лет назад.

А. Г. Генкель был одним из передовых русских педагогов, ратовавших за образование широких масс народа, за создание учебных заведений нового типа, открывающих народу дорогу к знаниям. Еще в 1902 году он (совместно с А. С. Черняевым) организовал в Петербурге «идейные» общеобразовательные курсы для взрослых, число учащихся на которых через несколько лет достигло тысячи человек.

Александру Германовичу были очень близки идеи, заложенные в основу положения о Доме народного просвещения в Перми, поэтому он принял самое горячее участие в организации его.

...Значит, знакомился и одобрил. И не в связи ли с этим свежим примером массовой тяги трудящихся к знаниям в речи Ильича на съезде прозвучали слова:

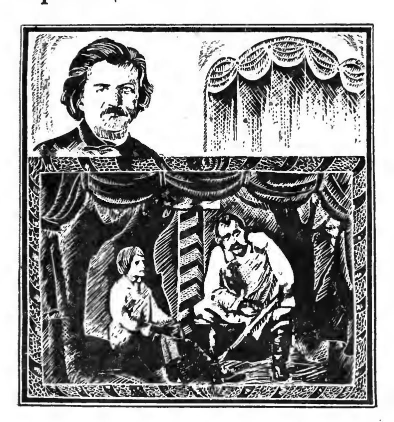
«Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем» *.

С тех пор эта скромная пятикопеечная книжечка занимает у меня почетное место на книжной полке, среди реликвий, относящихся к теме «В. И. Ленин и Урал».

---

* *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 77.*

«Вольт, братец...»

БЫЛ НЕКОГДА НА УРАЛЕ ТАКОЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ деятель — Херувимов. Так случилось, что именно с него повелось мое знакомство с театральным прошлым Урала, которым я увлекся на всю жизнь.

А знакомство это и последующее увлечение театральной стариной началось... с клочка старых обоев. И случилось это так.

В старом домике на одной из свердловских набережных, где я жил в двадцатые годы, затеяли ремонт. Как-то, вернувшись из школы, я застал в комнате ободранные до штукатурки стены, а на полу клочья обоев, напоминавшие куски толстого слоеного пирога — так много было этих слоев, накопившихся за долгую историю домика. Они, как геологические пласты, характеризовали разные эпохи и разную степень благосостояния хозяев дома.

Один из ранних по древности слоев, наклеенный, по-видимому, для выравнивания поверхности стен, состоял уже не из обоев, а из бумаг, исписанных кудреватым писарским почерком, и каких-то печатных не то плакатов, не то листовок.

«...С дозволения начальства... в первый раз на здешнем театре...»

Да это афиши — старые-престарые афиши Екатеринбургского театра!

«...Во вторник 5-го февраля 1874 года труппою актеров г. Херувимова представлено будет... «ВЕЛИЗАР... ...СКИЙ ПОЛКО...» (то есть драма Шенка «Велизарий, римский полководец», как я узнал позднее). Нашлись и другие обрывки с фрагментами афиш того же 1874 года: «Лукреция Борджия», «Эсмеральда» и еще каких-то. И на всех на них стояло имя Херувимова.

Тогда мне оно еще ничего не говорило, но крепко запомнилось. А потом, когда я всерьез занялся изучением театральной старины, стало встречаться все чаще и чаще, так что спустя годы я знал о нем уже довольно многое.

Интереснейший, доложу я вам, оказался человек!

На Урале Херувимов появился в самом конце 1850-х годов (кажется, в сезон 1859/60 года). Поступил служить к антрепренеру Головинскому, быстро завоевал положение в труппе, женился на дочери антрепренера и вскоре стал его преемником. Держал труппу (как тогда говорили) он лет восемь, обслуживая Екатеринбург, Пермь и Ирбит (в феврале, в период ярмарки). Приобрел солидный вес в театральном

мире. Известный актер и писатель И. Ф. Горбунов, друг Островского, упомянул Херувимова в рассказе «Белая зала» среди наиболее громких антрепренерских имен своего времени. Рассказывая об актерской «бирже» в Москве в период великого поста, когда антрепренеры и актеры всей России съезжались сюда для комплектования трупп на будущий сезон, Горбунов пишет:

«...На третьей неделе Белая зала была полна приезжими провинциальными сценическими деятелями. Съехались и антрепренеры: Борис Климыч из Орла, Смольков из Нижнего... Херувимов из Екатеринбурга...»

А уральский писатель и журналист П. Н. Галин в своей повести «Актриса» так охарактеризовал Херувимова, скрыв его настоящее имя под прозрачным псевдонимом:

«В то время гремел в провинции антрепренер Серафимов, и, действительно, молва о его антрепренерской деятельности и знании театрального дела, вопреки пословице «славны бубны за горами», была справедлива. В то время считалось за особую честь попасть в серафимовскую труппу, и точно: его труппа дала немало даровитых актеров и актрис, имена которых и теперь памятны многим».

Херувимов многое сделал для становления уральского театра и может быть помянут добрым словом уже за одно то, что он первым стал настойчиво ставить на Урале пьесы Островского, в которых с успехом сам играл главные роли. В газете «Пермские губернские ведомости» за 1863 год есть, например, статья «Бенефис г. Херувимова», где его очень хвалят за исполнение роли Краснова в пьесе «Грех да беда на кого не живет»: «Его игра была так задушевна, так верна природе, истине, что, право, можно сомневаться — есть ли возможность исполнить эту роль лучше того».

Он был антрепренером, режиссером, актером и даже декоратором — сам писал декорации к постановкам. И не от скупости, чтоб не тратиться на художника, а из любви к искусству. Дело в том, что, как выяснилось, Херувимов был еще и художником. Он учился в Московском училище живописи и ваяния, а окончив его, держал в Петербургской академии художеств экзамен на звание классного художника. В Центральном историческом архиве СССР в Ленинграде я нашел «Дело о лицах, ищущих от Академии звания художника» за 1857 год, а в нем и бумагу, относящуюся к Херувимову. В прошении своем от 22 ноября он пишет:

«По прибытию из Москвы, написал здесь с натуры женский портрет с лорнеткою, который имею честь представить на рассмотрение Академического совета и покорнейше прошу удостоить меня по оному звания художника, если труды мои будут того заслуживать».

К прошению приложено письмо академика живописи Заболотского, который «сим свидетельствует», что Ананий Херувимов написал портрет «без всякой посторонней помощи».

Из этого же дела я узнал, что купцы 3-й гильдии города Гадяча Полтавской губернии отношением городской думы от 31 декабря 1851 года «увольняют... из среды своей... купеческого внука Анания Дорофеева Херувимова... по предмету поступления куда-либо по ученой части».

Но *купеческий внук* пошел по другой части, не стал ни ученым, ни даже художником. Он увлекся театром. Через год после экзамена в Академии художеств он уже оказался в Саратове, в местной драматической труппе, где, как свидетельствует в своих воспоминаниях старый актер и антрепренер П. М. Медведев, «играл небольшие роли, и очень недурно».

Где уж он успел научиться лицедейству, бог его знает, но, приехав в следующем году на Урал, он вскоре стал там известным актером.

Чем дальше я занимался Херувимовым, тем больше он преподносил мне сюрпризов. Вот, например, выяснилось, что он еще занимался и фотографией — искусством редким в те годы. И был одним из первых на Урале фотографов. Об этом свидетельствуют объявления в газете «Ирбитский ярмарочный листок» за 1866 и 1867 годы:

«Фотография Императорской Академии художеств художника А. Д. Херувимова открыта ежедневно с 10-ти до 4-х часов в Пассаже, № 31. Портреты и карточки всех сортов. Цены умеренные».

С 10 до 4 часов, значит, занимался фотографией, а вечером, как видно из той же газеты, играл в театре. И декорации успевал писать. А может, даже и портреты — недаром же он имел звание *художника живописи портретной*.

Но и это еще не все. В 1875 году Херувимов внезапно покинул Урал, где он прожил более 15 лет, и скрылся с театрального горизонта. Это было труднообъяснимо, и я долго искал разгадку: куда, зачем еще бросила Анания Дорофеевича его неугомонная натура?

Разгадка пришла несколько лет спустя, когда я наткнулся в одной из старых театральных газет («Театр и жизнь» за 1889 год, № 337) на печальную заметку:

«Вслед за сообщенным нами в прошлом номере нашей газеты известием о помешательстве А. Д. Херувимова, мы получили уже другое известие о последовавшей вскоре после этого кончине его в Казани...»

Так вот как окончил дни свои Ананий Херувимов!

Но что же он делал эти 14 лет после Урала, бросив театр? Некролог объяснил и это:

«...Под конец жизни покойный Херувимов увлекся изобретениями по части осветительной техники. Он бросил театр и все свои сбережения тратил на поездки за границу, на приобретение разных приборов и проч. Его мечтой было показать свои изобретения на Парижской выставке *, но ему не удалось достигнуть этой мечты. Постоянное беспокойство подействовало на его и без того расшатанный организм, и он скончался, не доведя своей мысли до конца».

Изобретения его остались нам неизвестными **, но постоянное беспокойство — это дай бог каждому! Неугомонная, ищущая натура Анания Дорофеевича сказалась и здесь.

Очень мне хотелось достать портрет Херувимова, посмотреть — каков с виду этот оригинальный человек. Но ни в одном из театральных музеев страны портрета не имелось. Не попадался и в архивах. Нашелся он — единственный! — случайно.

Как-то, году в сороковом, я разговорился со старым екатеринбуржцем врачом С. А. Миславским о прошлом местного театра, упомянул несколько актерских имен.

— Это что,— сказал мне Сергей Александрович,— а вы о Херувимове слыхали? Вот человек был — и душой и обликом истинный художник! Стоит на портрет взглянуть — и все поймешь...

---

* *Всемирная выставка 1889 года.*

** *Всесоюзная патентно-техническая библиотека СССР дала справку, что в ее архиве «описаний изобретений А. Д. Херувимова не обнаружено».*

— Да где же его увидишь,— с тоской заметил я.

— А вот...— и Сергей Александрович, порывшись в ящике стола, вытащил небольшую, так называемого визитного формата, карточку...

Что и говорить — портрет интересный! Артистичность натуры видна во всем — и в бархатной блузе, и в длинных волнистых волосах, и в живом блеске глаз, и в этой невидимой улыбке, кажется, только что упрятанной под усы.

Все, кому я потом показывал портрет Херувимова, обязательно, как по уговору, спрашивали: «Это он в роли Несчастливцева?» или ограничивались кратким: «Несчастливцев да и только!»

Да... есть что-то, отрицать нельзя. Может быть, даже многое.

Но тут надо пояснить, почему именно. Дело в том, что А. Н. Островский, создавая образ Несчастливцева, как бы видел перед собой хорошо ему знакомого человека — известного в те годы провинциального трагика Николая Хрисанфовича Рыбакова. Драматург даже вставил в пьесу фразу, подчеркивающую духовное родство Несчастливцева и Рыбакова:

«НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. В последний раз в Лебедяни играл я Велизария, сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут. Положил он мне так руку на плечо...»

Роль Несчастливцева была, конечно, любимой в репертуаре Рыбакова. Играл он ее, естественно, без грима, в своем постоянном обличье — в усах и с обычной своей прической. Так с тех пор и повелось — все последующие исполнители этой роли, вплоть до наших дней, играли и играют ее «под Рыбакова». По-видимому, образ Несчастливцева-Рыбакова — человека гордого и независимого, но благородного сердцем, бессребреника, защитника гонимых и угнетенных — был близок душе Анания Херувимова, любим им, и он даже в жизни носил его «грим».

С Геннадием Демьянычем у Анания Дорофеевича, кстати, было и не только внешнее сходство. Вот, например, такой штришок.

Тот же С. А. Миславский, который подарил мне эту единственную известную фотографию Херувимова, рассказывал, что Ананий Дорофеевич, бывая в доме его отца, известного уральского врача и общественного деятеля, иногда для развлечения присутствующих ловко показывал фокусы.

— Вот разложит хлебные шарики и... (далее следовало описание известного фокуса с шариками).

Из рассказов Миславского выходило, что это было примерно в семидесятые годы. Но вот читаю воспоминания П. М. Медведева и вижу, что фокусами Херувимов баловался и раньше. Вспоминая сезон 1858/59 года в Саратове, Медведев писал: «В начале сезона приехал А. Д. Херувимов (впоследствии известный антрепренер Перми, Екатеринбурга и Ирбита). Он дал вечер, в котором очень искусно делал фокусы».

И это не так необычно, как нам кажется сейчас. В те времена фокусов не чуждались даже и Несчастливцевы... Вспомним «Лес»:

«БУЛАНОВ. А как вы фокусы делаете бесподобно-с! Как же это у вас девятка-то...

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ. Вольт, братец!»

(«Лес», акт III, явление 9).

А «Лес», между прочим, написан именно в те годы, о которых сейчас идет речь.

И уж раз зашла речь о сходстве уральского актера Херувимова с Несчастливцевым, то как не вспомнить, что Островский заставил своего героя побывать и на Урале. При встрече с Аркашкой в лесу Гурмыжской Геннадий Демьянович рассказывает: «Я ее не забывал, посылал, братец, ей часто подарки... кирпичного чаю, братец, из Ирбита... Малахитовые четки — из Екатеринбурга...»

И вот совсем недавно мне довелось снова встретиться со старым знакомым. Осенью 1971 года я получил вырезку из пермской газеты «Звезда» от 8 октября. В статье под заманчивым названием «Тайна трех букв» искусствовед Н. Казарнова, сотрудница местной художественной галереи, пишет:

«Еще в 20-е годы, когда собиралась коллекция галереи, из отдела коммунального хозяйства Пермского губисполкома поступил «Портрет молодого художника» неизвестного автора середины XIX столетия.

...Молодой мечтательный человек рисует чье-то изображение. Автор портрета тщательно выписывает черты лица. Но при всей тщательности и старательности исполнения чувствуется еще ученическая робость, особенно в изображении рук, фигуры. Портрет выполнен в академической манере... О работе

было известно только одно: выполнена она в 1856 году. Об этом говорнла надпись на обороте холста. Там же были обозначены три буквы Г... П... Н... О чем оии могут свидетельствовать? Были предположення, что автор портрета Грузинский Петр Ннколаевич, чьн инициалы полиостью совпадали с загадочиымн буквами иа обороте холста. Были и другие предположения: автор картины — кто-то из местных художников. О самом изображенном высказывалось немного предположений. Он художник. Это видно по роду его занятий. Но кто он?»

И вот тогда-то Н. Казариновой попалась иа глаза фотография Херувимова, опублнкованиая мною в 1957 году в книге «Из театрального прошлого Урала». Сравиив портрет и фотографию, она сделала такой вывод:

«Даже прн беглом взгляде обиаруживаем несомнеиное сходство, несмотря на то что разница в возрасте человека на фотографии и портрете значительная (не менее пятнадцати лет). Но не изменилась прическа: длиные вьющиеся волосы зачесаиы так же. Тот же разрез глаз, да и мечтательиое их выражение сходио. То же очертаиие бровей, абрис губ, овал лица, линия лба, лобиая впадина. С достаточиой достоверностью можно утверждать, что иа портрете изображен Херувимов».

Посмотрел да посравнивал и я. Что много общего — это несомнеино. Для меня же это без всяких доказательств — молодой Херувимов. Как говорят — сердце чует.

Вот и дата подходит. В 1856 году Херувимов заканчивал училище живописи и ваяиия и готовил себя к профессии портретиста. И то, что портрет оказался именно в Перми,— тоже объяснимо. Херувимов 15 лет подряд ежегодно играл здесь по нескольку месяцев. Кажется даже, что Пермь была его основным местом жительства. Известиый пермскнй краевед Д. Д. Смышляев в своих очерках-воспоминаниях «Из прошлого», издаииых в Перми в 1891 году, описывая таинственный «дом с привиденнями» (дом чииовиика Чадина), сообщает, что позднее иа его месте «был выстроен иебольшой деревянный домик антрепренером театра Херувимовым, служивший сначала квартнрою для актеров, а в последнее время его существования помещавший в себе портерную. Теперь на месте его красуется здание женской гимиазии».

Да и уезжал Херувимов летом 1875 года в Казань, вероятнее всего, из Перми — водиым путем, по Каме, ибо железной дороги восточнее Казаии тогда еще не было. Уезжал, может

быть, с надеждой вернуться, почему и оставил некоторые свои вещи.

А если и не думал вернуться, то тем более — почему бы не подарить свой портрет на память другу или родственнику?

Н. Казаринова в своей статье пытается разгадать тайну трех букв на обороте холста. Она перебирает вероятные имена художников того времени, знакомых и полтавских родственников Херувимова, которым он, возможно, подарил свой портрет. Но мне ее предположения не кажутся убедительными. Если это подпись художника, то почему на обороте? Обычно ее ставят на лицевой стороне. Если дарственная надпись, то почему в зашифрованном виде? Да и зачем бы даренному портрету возвращаться из Полтавы обратно в Пермь?

Дело тут, пожалуй, в другом. Вероятно, пермские краеведы со временем разгадают эту «тайну трех букв». Меня же пока интересует и радует другое — новая встреча с замечательным человеком, образ которого давно дорог мне.

Но он ли все-таки это?..

Читая последние страницы, поклонники Ираклия Андроникова, конечно же, вспомнили его рассказ «Портрет». Там тоже пришлось на основании догадки, интуиции допытываться — кто изображен на «Портрете неизвестного» из собрания Вульферта, не Лермонтов ли? Как известно, тогда Андроников обратился за помощью к криминалистам и они, сличив известные портреты Лермонтова с «вульфертовским», помогли решить загадку.

Но тогда этот метод еще вызывал сомнения. Однако вот более свежий пример. Кандидат юридических наук В. Герасимов в заметке «Мнение криминалиста» (газета «Советская культура», № 47 от 18 апреля 1972 года) пишет:

«Несколько лет назад на закупочную комиссию Государственного музея А. С. Пушкина поступил рисованный портрет, который кто-то из иконографов определил как портрет Дантеса. Сотрудники музея выразили сомнение и предложили криминалистам провести исследование, которое убедило бы всех... В связи с исследованием портрета возник вопрос: а можно ли вообще рассматривать живописное изображение как строго достоверное изображение внешности? Были проведены специальные эксперименты — группа художников (всего было 18 групп, от двух до десяти художников в каждой) рисовали одну и ту

же натуру. Затем изображения сравнивались по методике, разработанной около ста лет назад французским криминалистом А. Бертильоном и значительно усовершенствованной н дополненной в последние годы советскнми учеными-крнмналистами. Сравненне показало, что, несмотря на различия в манере художников, разницу ракурсов и масштабов, живописное изображение может считаться достовериым отображением внешности оригинала».

Грешно было бы не воспользоваться этим подсказанным методом.

И я тоже пошел к криминалистам.

Владимир Петрович Серый, эксперт оперативно-технического отдела Свердловского областного управления внутренних дел, предупредил меня срэзу:

— Безоговорочного заключения дать не могу, официальная криминалистика пока еще не дает права на это.

Но, видя мое скисшее лицо, добавил, улыбаясь:

— Но если с оговорками, то могу. Устроит вас?

Конечно, устроит!

А дальше все пошло, примерно как в «Портрете» Андроникова: Владимир Петрович объяснил мне принципы идентификации (установления тождества) изображений человека, растолковал положение об устойчивых признаках человеческого лица, не изменяющихся с возрастом, и тому подобные другие принцнпы н положения, которыми руководствуются криминалисты в этих случаях. Он не скрыл удовлетворения тем, что и на фотографии и на портрете лица изображены примерно в одном ракурсе, и что освещение дано в том и другом случае одинаково — спереди и справа. Это облегчает задачу.

Недели через две я получил нз крнминалистической лаборатории «Справку эксперта» — целое сочинение с приложением фототаблиц, схем и т. п.

Да, ничего не скажешь, официальная криминалистика — наука точная. Здесь интуиция и то, что мы называем «сердце чует», в расчет не принимаются. Оно и понятно — ведь от заключення эксперта может зависеть судьба человека. Здесь дозволено опираться только на непреложные факты и данные.

Что же сделал наш эксперт в данном случае? Хотя тут и не шла речь о судьбе живого человека, профессия обязывала действовать с той же ответственностью.

Прежде всего он изготовнл репродукцни с портрета н с фотографии — в одном масштабе (приняв за масштаб расстоя-

ние между зрачками глаз). И уж только после этого взялся за измерения и сопоставления. Он не выискивал случайные, бросающиеся в глаза «похожести», а обследовал по порядку все особенности черт лица — линию за линией, размер за размером: лоб, волосы, брови, глаза, нос, губы, подбородок, щеки...

И тогда-то стали видны **совпадения** — не интуитивные («кажется — не кажется»), а точные, наглядные, неумолимые, неоспоримые. Линии левой щеки и лба совпали на обоих изображениях. Длина носа сошлась из миллиметра в миллиметр. Ширина и высота лба. Брови. Контур каймы нижней губы. Подбородная каемка. Подбородок. Даже волосы — тут и там «темные, длинные, волнистые, с пробором слева, зачесаны назад».

Кажется, более чем достаточно... Но не для эксперта. Он видит и различия. Неодинаковое «раскрытие глазной щели» — на портрете широкое, на фотографии среднее. По-разному нависает средняя часть верхнего века. Ноздри на портрете открытые, на фотографии — полузакрытые. Да и носогубная складка на портрете выглядит иначе (дугообразная), чем на фотографии (прямолинейная).

«Однако,— оговаривается эксперт,— эти различия могут быть объяснены различием в возрасте изображенных лиц (примерно 15 лет), некоторым расхождением в положении головы, а также (что наиболее важно) субъективизмом художника, который мог изменить некоторые признаки при изображении отдельных частей лица...»

— Вот если б еще уши были! — с сожалением добавил мне на словах Владимир Петрович.— Форма ушей — это почти то же самое, что дактилоскопический отпечаток — строго индивидуальна.

Да, ушей нет — закрыты волосами. Есть лишь самый кончик мочки правого уха, а этого маловато...

И все же, хотя совпадающих признаков много (большинство!), а расхождения легко объяснимы, Владимир Петрович Серый, как и обещал, категорического вывода об идентичности лиц, изображенных на портрете и фотографии, не дал — «не имел права» с точки зрения своей науки. Его вывод гласил:

«...Перечисленные совпадающие признаки в своей совокупности могут быть положены в основу вероятного вывода о том, что на портрете неизвестного художника и на фотографии А. Д. Херувимова изображено одно и то же лицо».

Уклончиво? Но это лишь с нашей «общежитейской» точки зрения, а с позиций официальной криминалистики — вполне объективный и закономерный вывод. Никуда не денешься — инструкция...

Возможно, что как человек Владимир Петрович и сам почти уверен в том, что перед ним одно и то же лицо. Вот мы смотрим с ним на «фототаблицу» и обмениваемся замечаниями:

— Верность прическе тоже о чем-то говорит. Вон и пробор на том же самом месте...

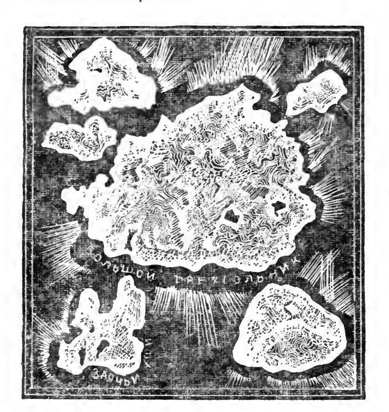
— А галстук-то, галстук! Словно тот же самый. Да и воротничок сорочки того же покроя... Привычки, верность вкусам?

И, хотя вывода своего Владимир Петрович, конечно же, не меняет, я подозреваю, что он, пожалуй, подумывает про себя то же, что и я: а ведь в будущем и официальная криминалистика непременно станет решать такие задачи — с помощью кибернетики и еще там чего-то. А пока...

А пока я смотрю на фотографию Херувимова, на его упрятанную под усы полуулыбку, на живой блеск его чуть усталых глаз и, размышляя о превратностях судьбы этого человека, словно слышу его вздох:

— Вольт, братец...

Золотые бывальщины

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД В МОСКВЕ ОТКРЫЛАСЬ ВЫставка Алмазного фонда СССР — главиой сокровищницы страны. Тот, кто побывал на ней, иикогда ие забудет этого фаитастического парада драгоценностей, представляющих собой огромную историческую, иаучную, художествеиную и, конечио, материальиую цеиность, которая обеспечивает силу и твердость советского рубля. Груды — да, да, буквальио груды! — алмазов: якутских, уральских. Исторические бриллиаиты «Орлов» и «Шах». Редчайшие ювелирные изделия, вошедшие в альбомы мировых шедевров, как, например, «большая корона», в которой только драгоценных камней более пяти тысяч штук, общим весом около трех тысяч карат...

И золото. В цеитре одного из залов выставки — громадная витрина с уникальной коллекцией отечественных золотых и платиновых самородков. Сто двадцать глыб драгоценного металла общим весом более трехсот килограммов. Уникальна она уже потому, что подобной ей нет и не было нигде в мире.

На этикетках у многих из этих знаменитых самородков значится, что они найдены на Урале. Урал издавна считается золотым краем. На всем протяжении этого древнего хребта планеты — от приморской тундры до Мугоджарских, спускающихся в степи отрогов,— находили и находят золото. Сотни лет добывали его люди, нередко в невероятно трудных условиях, гибли из-за него, мучились, страдали. Золото играло судьбами людей. Сколько трагедий разыгралось вокруг него! И люди проклинали ни в чем не повинный желтый металл, не понимая порой, что кляиут этим самым не его, а условия, в которых ему была предназначена столь зловещая роль.

Вот и эти куски золота под стеклом витрин — у каждого из них своя история, с каждым из них связана чья-то судьба — счастливая или трагическая... Что-то кроется за ней?..

Мне удалось проследить иесколько таких историй самородков, найдеииых к тому же в одном и том же районе Урала — в золотой долиие реки Миасс.

ИСТОРИЯ «ПОДКИДЫША»

Самородок этот, не такой уж большой и замечательный, стал знаменитым и памятиым. В легендах и рассказах о «золотых историях» он фигурирует, пожалуй, даже чаще, чем его более весомые собратья.

В литературе своего времени его именовали «Царским». На Урале в народе звали менее почтительно — «Подкидышем». Рассказы о нем ходили самые противоречивые.

Рассказывали, например, такое.

Александр I, приехав на один из приисков Южного Урала, пожелал испытать свое счастье в роли золотоискателя. И только он ударил несколько раз кайлой по стенке забоя, как к его ногам вывалился большой самородок. Вот-де какая «царская удача» царю!

Так, сопровождая эту версию подхалимским сюсюканьем, передавали историю находки псевдонародные книжки и некоторые газеты и журналы того времени.

Рассказывали и иначе. Дескать, нашел на одном прииске некий татарчонок большой самородок. Его увидел вороватый штейгер и хотел присвоить, но не сумел — начальство узнало. Чтобы замести следы и загладить свою вину, хитрый и злобный штейгер убил татарчонка, а самородок, по совету начальства, подкинул царю в забое. Подкинули якобы так: пробили рядом с шахтой дудку и заложили в нее самородок в каком-нибудь аршине от забоя, где будет работать царь.

Приходилось слышать и другие рассказы — не менее занимательные, но противоречивые.

Захотелось хотя бы попытаться выяснить — что же было на самом деле.

Задача сложная: история давняя, документов, вероятно, осталось не так уж много, тем более таких, которые хранить было ни к чему. Очевидно, свидетелей давно уже нет в живых. И все же кое-какие ключи к этой исторической загадке нашлись.

В 1824 году царь Александр I отправился в путешествие по Уралу. Хлопот и забот царская поездка вызвала немало. Местному начальству необходимо было срочно прятать в воду концы своих грешков, замазывать неприглядные картины вопиющей бедности и отсталости края, создавать внешнюю видимость благополучия и преуспеяния. Спешно строились новые дороги, обсаживались деревьями. Очищались от столетних свалок заводы. Ремонтировались фасады домов на улицах, где должен был ехать царь. Ветхие рубища арестантов, сидевших в городских тюрьмах, временно заменялись чем-то, менее оскорблявшим брезгливый взгляд «плешивого щеголя, врага труда» — как назвал Пушкин своего венценосного современника.

С утра до вечера метались по своим участкам полицейские чины, наводя порядки и вынюхивая возможную крамолу. Городские власти совещались о фейерверках и иллюминациях в честь «помазанника божия», спорили о чести — кому принять в своем доме царя, о том, какими подарками и подношениями снискать его монарших милостей, весьма небезразличных для дальнейшей карьеры.

Словом, суматоха была изрядная.

Так, в Екатеринбурге построили новый мост через реку Исеть и нарекли его Царским.

На казенных заводах мастеровым выдали белые фартуки со строгим наказом — не надевать их до приезда царя. Кое-где временно даже выпустили из тюрем неопасных арестантов *.

Интересно, что только Екатеринбургские горные заводы истратили на все это 84 тысячи рублей — сумму по тем временам огромную. Просмотрев смету города за первую половину XIX века, можно убедиться, что расходы по графе «на устройство города, содержание городских домов, зданий, а также ремонт дорог» в любой год этого полустолетия не превышали 2—3 тысяч рублей, а на содержание учебных заведений отпускалось от 88 до 386 рублей в год.

Зато: «...Екатеринбург, сказывают, так успели отделать, что узнать нельзя»,— писал один из местных чиновников своему столичному знакомому.

Никакими сметами такие затраты на встречу царя предусмотрены не были, и властям пришлось изворачиваться. Как установил историк Н. К. Чупин, порешили просто: отнести часть расходов на счет сумм, отпущенных на строительство, а часть включить в цену металлов, получаемых на заводе.

Не миновала, конечно, суматоха и Златоустовского горного округа, где начинался уральский маршрут царской поездки. Здесь тоже «принимали меры» — прятали концы в воду, латали особенно зияющие прорехи и раздумывали, как поэффектнее пустить пыль в глаза.

---

* *Как свидетельствует советник Пермского горного правления В. Д. Прянишников, в Пермской тюрьме, «найдя весьма мало колодников, государь обратился к прокурору... и сказал: «Вы не рассовали ли их?»*

Понятно, что всякое новое, подоспевшее к этим дням, будь то арка у городской заставы, часовня, мост или там прииск, неизбежно нарекались Александровскими. А то, что уже ранее было наречено царским именем, оформлялось и преподносилось особо, как свидетельство неустанного внимания к августейшему шефу.

Так попал в сферу особого внимания и даже был включен в маршрут поездки прииск незадолго до этого открытый в дачах Миасского завода и, поскольку начальству уже было в те дни известно о поездке на Урал императора, названный Царево-Александровским.

Прииск оказался на редкость богатым. В первые же дни золото с него потекло пудами. 19 июля 1824 года горный начальник Златоустовских заводов доносил директору департамента горных и соляных дел:

«...Спешу донести Вашему превосходительству о редком событии в Российской горной истории, ознаменовавшемся под щастливым управлением Вашим, в дачах Миасского завода. В прошлую седьмицу с 8 по 18 сего июля начата надлежащая разработка золота в открытом 28 мая сего года Царево-Александровском руднике *.

Золото, в сем руднике добытое, 26 фунтов 62 золотника, состоит большей частью в крупных кусках, из них лучшие и достойнейшие по огромности, особенному образованию и красивости при сем честь имею представить на благоусмотрение Вашего превосходительства как драгоценнейшие сокровища по сие время не только в сих краях, но и вообще в целой Российской империи...»**

Перечисленные далее «первонайденные самородки» и впрямь были достойнейшими, особенно если учесть, что все они найдены всего за неделю: № 1 — весом 7 фунтов 39 золотников, № 2 — 3 фунта 93 золотника, № 3 — 1 фунт 77 золотников, № 4 — 1 фунт 35 золотников... и так далее. Такого история золотодобычи в России действительно еще не знала.

---

* *Точнее, конечно, называть его прииском, ибо в те годы там разрабатывали россыпное золото. В документах тех лет он именуется то рудником, то прииском. Сказалась инерция — до 1814 года на Урале добывали только рудное золото.*

** *Златоустовский филиал Государственного архива Челябинской области, ф. 19, оп. 16, д. 14, лл. 5—6.*

Но прииск выдавал и не только самородки. Золото здесь, можно сказать, хрустело под ногами — по пробам намывали иногда по фунту с тачки песка. Не прииск, а прямо-таки золотая кладовая!

По прибытии Александра в Златоуст ему не замедлили доложить о его именной сокровищнице, как бы поднесенной ему в дар, и показали 49 самородков, найденных там, среди них один весом 7 фунтов 39 золотников. Как потом сообщали официальные «историографы» поездки царя, подобострастно записывавшие каждый его шаг и каждое слово, в ответ на сообщение «государь заявил горному начальнику Татаринову желание посетить прииск: «Завтра поедем на мой рудник и я буду там работать на мое счастье...»

На прииске, как сообщает в своих путевых записках лейб-медик Тарасов, Александр потребовал кайлу и лопату и, заявив: «Теперь я сам буду берггауер», действительно принялся за работу. Накопал он (вместе с помощниками из свиты) будто бы около двадцати пудов песков и тут вдруг к его ногам выпал крупный самородок. Как утверждают «историографы», венценосный берггауер даже сам оторопел и воскликнул: «Неужели я один так счастлив?!»

Так это событие было описано в печати того времени, так о нем сообщалось народу в проповедях и нравоучительных беседах в приходских школах. Так утверждалась официальная легенда.

Мало того, она получила и «вещественное оформление» — на месте находки была построена каменная пирамида с двуглавым орлом на вершине. Позднее, в 1847 году, «с высочайшего соизволения» ее заменили основательным чугунным памятником с часовней, в которой хранились слепок самородка, «исторические» инструменты — кайла и лопата — и даже кучка песка из счастливого забоя*. Надпись на чугунной доске повторяла официозную легенду, так сказать, затверждала ее на века.

Как бы уж тут не поверить всем в ее справедливость, ан нет — народная молва упорно называла самородок «Подкидышем» и передавала его историю в иной версии.

---

* *Весом в 20 фунтов. Именно столько, как утверждают официальные рапорты в делах Златоустовского архива, и накопал тогда царь.*

И, оказывается, не напрасно — к этому были основания. Надо сказать, что помимо официально публиковавшихся бюллетеней о поездке, верноподданнических «Воспоминаний» и «Записок», имелись еще и другие материалы, где кривить душой было или нельзя, или не представлялось нужным. Это — служебные донесения и отчеты, а также дневники, письма и воспоминания современников, не предназначавшиеся для печати и опубликованные только несколько десятилетий спустя в изданиях, «простому народу» недоступных.

Так, в личном письме берггауптмана И. А. Кованько, опубликованном 70 лет спустя в «Горном журнале» (1894 год, кн. II), встретились такие строчки: «Ему (Александру.— Ю. К.) желалось найти самому самородку, но счастье определило то бедняку мастеровому, работавшему недалеко от его величества. Мастеровой добыл кусок золота в 8 фунтов и 7 золотников».

Значит, нашел не царь, а какой-то мастеровой! Но кто?

Впоследствии Н. К. Чупин, служащий Уральского горного ведомства, имевший доступ ко всем его архивам, известный нам теперь как выдающийся знаток истории горнозаводского Урала, добрался до секретного дела в архиве горного департамента и до конфиденциальных донесений местных начальников в главную контору заводов хребта Уральского. В его заметках, составленных по этим документам в конце 1870-х годов по поручению Ученого горного комитета, можно найти данные и о «царском самородке», и тоже в иной версии, отличной от официозной легенды, закрепленной в надписи на памятнике. В донесениях 1824 года, в частности, были такие строки: «За три часа до прибытия его императорского величества, мастеровым Дементием Петровым 2-м найден был золотой самородок весом 8 фунтов 7 золотников, который горный начальник Татаринов имел счастье поднести его императорскому величеству».

Так вот кто истинный добытчик самородка — мастеровой Дементий Петров-второй!

Однако и донесение по начальству — документ, которому полностью доверяться тоже нельзя: в служебном рвении можно кое-что и приукрасить. Но удалось найти и более достоверное свидетельство.

В Златоустовском филиале Госархива Челябинской области мне попалась «Книга, данная из Миасской заводской конторы г. помощнику управителя Меджеру, для записи зо-

лотых самородков разной величины, находимых на приисках золотосодержащих песков, с майя 1824 по май же месяц 1825 года» (фонд 69, опись 26, дело 25). Тут-то, надо думать, правду не скроешь — «Книга...» это документ строгой отчетности, как сказали бы мы сегодня.

Так оно и оказалось. Под датой 23 сентября 1824 года стояла запись:

«Дементий 2-й Петров — 8 ф. 7 зол.».

А памятник с надписью о «царской находке» стоял. А сфабрикованную верноподданническую легенду продолжали поддерживать... Так, может быть, Александр и в самом деле не знал истины и самородок был хитроумно замурован в забое, где копал император?

Ничего подобного. Истину он знал. Документы говорят, что он даже велел выдать Дементию Петрову деньги за находку. В воспоминаниях горного деятеля В. Ю. Соймонова о его встречах с Александром I, записанных, как значится в публикации 1890-х годов, «по убедительной просьбе семейства», то есть не для широкой публики, есть строки, свидетельствующие, как Александр и сам признался однажды, что в Миассе ему не повезло. «...Государь,— вспоминает Соймонов,— говоря о богатстве тамошнего края, приказал подать с другого стола славную, в 8 фунтов, самородку, которая найдена за несколько только часов до его приезда в Царево-Александровской песчаный рудник, и, подав ее мне, дополнил: «Я сам работал на этом руднике, но не нашлось самородка...»

А «богатства тамошних мест», действительно, были замечательными — вскоре после отъезда царя горный начальник Татаринов доносил: «...в прошлые седьмицы добыто золота... в виде 8 кусков весом 19 фунтов 36 золотников, между коими 1-й кусок в 4 ф. 39 зол., 2-й — в 3 ф. 63 зол., 3-й — 3 ф. 7 зол., а самый меньший 1 ф. 30 зол.» *. В этом простой рабочий люд оказался счастливее императора.

Александр это знал. А фальшивую легенду поддерживал. Но народная память оказалась честней и живучей — за самородком так и утвердилось презрительная кличка «Подкидыш».

---

* *Златоустовский филиал ГАЧО, ф. 19, оп. 14, д. 14, л. 10. Позднее на этом прииске бывали и более удачливые «седьмицы»: в одну из недель апреля 1825 года здесь было добыто 9 самородков общим весом 1 пуд 18 фунтов и 39 золотников. Самый крупный из них — 16 фунтов 61 золотник.*

БОЛЬШОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

В одну из темных осенних ночей в середине 1940-х годов на втором этаже здания Свердловского краеведческого музея раздался приглушенный звук выдавленного стекла и по карнизу стены тенью скользнула фигура со свертком в руках. Сторож музея, выбежав на шум, получил из-за угла увесистый удар и в беспамятстве упал.

Утром, открыв зал полезных ископаемых Урала, работники музея, уже знавшие о ночном происшествии, удивленно огляделись. Витрины с драгоценными камнями и редкими изделиями гранильщиков были целы. Что же мог похитить преступник? Не образцы же медных и железных руд?

Но, обойдя витрину за витриной, выяснили, что исчез муляж золотого самородка — точная гипсовая копия широкоизвестного «Большого треугольника». Вор еще днем спрятался в зале музея, а ночью похитил «самородок», даже не сообразив, что его добыча по весу никак не соответствовала золоту.

Несколько дней спустя на окраинном пустыре ребята нашли обломки гипсового слепка, покрытого бронзовой краской, и немало удивились диковинному минералу.

Работников музея пропажа опечалила.

— Этакая редкость — знаменитый Сюткинский самородок! Как мы теперь будем рассказывать о нем посетителям?

Знаменитый Сюткинский... Сюткин... А кто такой этот Сюткин?

* * *

Думал ли казенный рабочий Никифор Сюткин, что его имя на многие десятки лет запомнят геологи всего мира, что оно пройдет через сотни книг и монографий, будет упоминаться на лекциях и в докладах виднейших ученых!

Чем же прославился он, безвестный до этого крепостной рабочий, неожиданно для себя попавший в «золотую историю»?

Сюткин нашел самый большой за всю эпоху золотодобычи в России и самый крупный в мире из сохранившихся до наших дней золотой самородок, известный в учебниках и монографиях под именем «Большого треугольника».

Было это так.

Золотой ураган, пролетевший над речкой Ташкутарганкой (бассейн реки Миасс), на которой в 1824—1826 годах основались два богатейших прииска — Царево-Александровский и Царево-Николаевский,— к началу 1840-х годов стал стихать. За полтора десятилетия из них было добыто около 6500 килограммов золота. Больше чем по килограмму на каждый рабочий день! Но в последние годы россыпь явно истощалась — съем металла был все меньше и меньше.

А золотая лихорадка несмотря на это не спадала. Уже было изрыто все вокруг, уже не раз были перелопачены старые отвалы, и нетронутые ранее пески под ними также ушли в отвалы, а золота не прибывало.

В 1837 году, оставив на месте прииска беспорядочную свалку пустых песков и испятнав как оспинами все вокруг ямами и закопушками, горное начальство приказало начать разработку самого ложа речки. Скромную, нешуструю речонку отвели в сторону, в ее еще не просохшее ложе вонзились кирки и лопаты, и — удача! — на вашгердах вновь заблестело золото. Вновь забегали тачки, заскрипели колеса колымашек, загрохотала золотопромывальная фабрика. Добыча опять вспрыгнула вверх.

Но и золотоносному ложу речки пришел конец. Тогда выпустили пруд, перекопали его дно. И здесь нашлось золото. А чуть выше плотины, на левом берегу реки, наткнулись на россыпь, которая дала беспримерное количество самородков — меньше чем за год здесь нашли 52 самородка весом от одного до семи фунтов.

Золото снова пошло, если не рекой, то непрестанным сплошным ручьем.

И все же круг разработок все более сужался, все кучнее сбивались рабочие. Наконец к осени 1842 года разрабатывать больше стало нечего — золотоносные площади кончились. Вокруг не оставалось нетронутого места.

Только один участок оставался обойденным, да и то потому, что был занят промывальной фабрикой.

— Разобрать фабрику! — распорядилось начальство.— Все равно прииску конец.

Когда фабрику разнесли по бревнышку и все набросились на целик под ней, на прииск вновь пришли «золотые денечки».

Едва были вскрыты «торфа» (на языке старателей — верхний слой пустых наносов), показалось золото. Да какое! Из каждого пуда песку намывали до 70 золотников металла.

Золотоиосный слой собиралн чуть ли не горстями, забыв о еде, об отдыхе.

Золотая полоса, впрочем, оказалась небольшой: с полметра шнрнной, саитиметров десять толщнной и иесколько метров протяженностью. Тогда пошли вглубь. И вот 26 октября 1842 года под самым углом фабрики на глубине примерно трех метров нашли целую глыбу самородного золота. Очертаииями она была блнзка к треугольиику, со стороиами около тридцати сантиметров длиной, толщиной сантиметров восемь.

Вначале самородок прнняли за булыжник. Лншь характерный блеск в свободных от глины просветах да иеобычная тяжесть подсказали о несметной цеииостн находки.

Когда глыбу вынесли наверх, все оцепенели. Такого «кусочка» не только не вндывали, о таком даже не слыхивалн. Опытные геологи, знакомые с историей золотодобычи в Россин, могли потом авторитетно заявить — такого в стране еще не встречалось.

Самородок кое-как, иаспех, обмыли и разгоряченные золотой лихорадкой, потиые, грязные, усталые, со слнпшимися волосами, в оборванной и грязной одежде люди обступили его. Внновннк находки, совсем еще молодой рабочий, цепляясь трясущнмнся руками за осыпающиеся края ямы, вылезал наверх.

— Красота-то какая!

Натруженные, в мозолях и ссадинах руки нежно ощупывали редкое создание прнроды.

— Сколько же он весит? — интересовало всех.

— Пуда два с половиной! — прикннули на глаз бывалые золотодобытчики.

Самородок увезли в контору. Его обколотили молотком от глины, выварнли в мыльном щелоке и вычнстили медною проволочною щеткой (об этом, кстати говоря, ученые до снх пор очень жалеют, так как при этом повредилось первоначальное внешнее строеиие самородка, что очеиь важио для изучения истории образования самородного золота).

— Два пуда семь фунтов девяносто два золотннка! — уточнили в конторе прииска при взвешиванин.

Смотритель прииска штабс-капитаи Шуман не решился никому доверить сказочное богатство. Он сам повез его в Миасс, испроснл у начальства разрешенне сопровождать самородок и дальше, в Златоуст. Здесь драгоценную глыбу у него прннял генерал-майор П. П. Аносов, начальннк Златоустовских заво-

дов. Но и тут Шуман не захотел расстаться с самородком. Не оставляя ни иа шаг иаходку, он направился в Екатеринбург к главному начальнику Уральских горных заводов, к всесильиому генералу Глиике, везя с собой рапорт Аносова.

Копия этого рапорта мне встретилась в делах канцелярии главного начальинка Уральскнх заводов. В нетолстом деле (на 24 листах), именуемом «О найдеииой самородке весом 2 пуда 7 92/96 фунта на Миасских приисках и о награждении майора Широкшнна н штабс-капитана Шумаиа», он подшит в самом начале. Текст его таков:

Господину Главному начальнику горных заводов хребта Уральского, артиллерии генерал-лейтенанту и разных орденов кавалеру ГЛИНКЕ,

Горного начальника Златоустовских заводов и директора оружейной фабрики, генерал-майора АНОСОВА

РАПОРТ

Честь имею донести Вашему Превосходнтельству, что на Царево-Алексаидровском руднике, при преследовании золотосодержащего пласта от плотнны к фабрике, 26-го октября сего года найдеи редкой величины самородок весом два пуда семь фуитов девяносто два золотника. Ои иаходился ниже плотииы в 17-тн саженях, в старом русле речкн Ташкутарганки на самом материке, состоящем из диорнта, в глубиие к поверхности земли на $4^1/_2$ аршииа. Содержание блпзлежащих к иему песков было в 10 золотников от 100 пуд. По необычиой величиие сего самородка, я почел обязанностью представить его прн сем с штабскапитаном Шуманом, старшнм смотрителем Царево-Алексаидровского рудиика иа благоусмотреиие и дальнейшее распоряжение Вашего Превосходительства. Сей самородок найден мастеровым Миасского завода Никифором Сюткиным, которому на осиовании 1773 ст. VII тома Свода законов причитается в награду по 15 коп. за золотнк 1266 рублей 60 копеек серебром; ио как подобной величииы самородок до сего

времени встречаемо не было, то я обязанностью себе поставил испросить на выдачу причитающейся ему награды разрешение Вашего Превосходительства.

Горный начальник и директор генерал-майор **Аносов.**

30 октября 1842 г.

№ 9760

с препровождением золотой самородки.
Златоуст.

(ГАСО, ф. 43, оп. 4, д. 96)

Золото в Петербург обычно возили особым транспортом, «золотым караваном» — с фельдъегерями, со специально наряженной охраной.

На этот раз Глинка изменил правилу. Не дожидаясь «каравана», он командировал Шумана с самородком в столицу, отрядив ему для охраны рядового линейного Оренбургского батальона № 8 Егора Свиньина.

И вот наконец самородок в Петербурге, в штабе Корпуса горных инженеров. Уральская находка вызвала переполох. Шутка ли — величайший самородок России!

Некоторое время он был злобой дня. О нем говорили и в аудиториях Горного института, и в великосветских гостиных столицы, и в кабинетах сановников. Немногочисленные тогда газеты и журналы поместили о нем заметки.

Самородок не пустили в переплавку, сохранили в неприкосновенности и передали в «музеум» Горного института. На Монетном дворе его вновь взвесили и оценили. Принимая цену металла по 3 рубля 33 копейки за золотник, установили, что самородок стоит 28 146 рублей 66 с половиной копеек.

Шуман был награжден орденом Станислава 3-й степени. Управляющий золотыми промыслами майор Широкшин получил годовой оклад жалованья.

А где же он, истинный виновник находки? Не сам же поручик Шуман копался в яме у плотины Ташкутарганского пруда! По закону непосредственному участнику находки причиталась премия из расчета по 15 копеек за золотник, то есть 1266 рублей 60 копеек.

Только тогда, при решении вопроса о премии, всплыло имя рабочего Миасского казенного завода Никифора Сюткина.

Да, это он первый выворотил в забое иеобыкновенную золотую глыбу, принятую им виачале за булыжник. Он трясущимися от волнения руками выдал ее иаверх, принял первые поздравления от товарищей по работе, окруживших его находку.

— Вот, Никифор, и счастье тебе привалило!

Счастье! Какое же оно у рабочего человека, казенного крепостного? В чем?

В этом мире наживы и рабства счастьем считался треугольиик взаимосвязаиных понятий: слава, богатство, независимость.

— Слава! А что это такое? — мог спросить забитый, замордованный работой, иеграмотный Никифор.

Богатство? А что в нем толку? Все равно завтра та же беспросветная работа, тот же мордобой, а при случае — кандалы н шпицрутены. Он — собственность заводов, такая же, как лошадь или машииа. И как золотая упряжь для измучениой лошади не облегчит ее труда и не изменит ее состояния, так и золотая подачка не изменит условий существования крепостного раба.

Независимость? Свобода, воля — это бы да! Но свободу на деньги не купишь, тем более иа эту несчастную тысячу с чем-то рублей, выданную Сюткину по частям в разное время (по причине того, что он «еще не достиг полного возраста», как сказано в деле).

«Несчастную тысячу». Да, она стала иесчастиой. Ибо, увы, ничего не могли изменить эти деньги в судьбе Ннкифора Сюткина. Этот суррогат счастья мог лишь еще больше убедить его в трагичности и беспросветности своей судьбы.

Сюткин «запил горькую». Горем обернулось для Никифора его призрачное счастье.

В одном старом журнале мие встретились скупые, бесстрастные и в то же время глубоко трагичные строки о дальнейшей судьбе «знаменитого Сюткина».

Он, «получив деньги, «запнл горькую», опустился, стал опаздывать на работу и не мог остаиовиться до тех пор, пока его, опухшего, оборваниого и скованного по рукам и иогам, не привели, по распоряжеиию администрации завода, на прииск и не подвергли жестокому истязанию розгами в присутствии сбежавшихся на удары барабана приисковых работников».

«Умер Сюткин в нищете» — меланхоличио заключался этот рассказ о судьбе Сюткина. А как он мог умереть иначе?! Что могло ему дать золото, синоним счастья в мире наживы?

Богатство? Оно не дало и не могло дать ему счастья, это призрачное богатство.

Слава? Вот она, слава — упомянутое в сотнях книг его имя, история его несчастной судьбы, описанная в журналах, известность среди геологов. Легче ли стало от этой посмертной славы рабочему Сюткину?

Независимость, свобода? Но ее-то как раз и не было.

Богатство, слава, независимость... «Большой треугольник» счастья замкнулся не в пользу Сюткина.

«ЗАЯЧЬИ УШИ»

Он и в самом деле немного походит на заячьи уши, этот комок золота.

Не так уж велик он в семье русских великанов-самородков: вес его «всего лишь» 3 килограмма 345 граммов. Но он известен. Пожалуй, даже знаменит.

Геологам он известен как яркий и убедительный пример для доказательства поныне еще оспариваемой гипотезы образования самородков из рудных растворов в друзовых полостях. А «Заячьи уши» сохранили все следы пребывания в такой полости: на нем четкие отпечатки различных минералов, находившихся вместе с ним в земной пустотке.

Журналистам самородок помнится как объект сенсационных корреспонденций, облетевших все газеты страны.

Старожилам Ленинского прииска — как первый после долгого перерыва случай находки крупного самородка на участках, кое-кем уже объявленных до конца истощенными. Ведь Ленинский прииск — это территория бывших Царево-Александровского и Царево-Николаевского приисков, разрабатываемых более столетия.

А многим, близко знавшим события тех дней, он печально памятен как грустная история человека, исковерканного проклятым прошлым, дожившего до наших замечательных дней, но так и не понявшего их.

* * *

Было это хотя и не так давно — около сорока лет назад, а история находки отошла уже, как говорится, в область преданий и смутных воспоминаний. Даже те, кто был очевидцем

н свидетелем, и те уже теперь сомневаются: а как же все это было на самом-то деле?

В книжке «Замечательные минералы» (М., 1949), написанной известным геологом В. И. Соболевским, история находки рассказана так:

«Октябрь 1935 г. Недалеко от дороги, близ знаменитого прииска Ленинского, «старался» Петр Симонов; он пытался снять верхний промерзший слой земли. Проходившие мимо две девушки, перемигнувшись, забрали у уставшего старателя кайло и лом, и сняли твердый как сталь слой мерзлоты.

— Теперь старайся! — крикнули они и со смехом убежали.

Отдохнувши, Симонов поднялся с пенька и... окаменел от изумления; на вскрытой поверхности наносов лежал сверкающий, совершенно необычной формы самородок. Настоящие «заячьи уши»!»

Все это, описанное В. И. Соболевским, почти точно. Но именно п о ч т и — с той степенью точности, которая интересовала геолога. А для литератора не хватает разве только старой, до надоедливости обычной завязки: бедный старатель давно мечтал разбогатеть, но ему все не удавалось, а когда он уже совсем потерял надежду, тогда и обрел наконец это богатство. И, как ни странно, когда я ближе познакомился с историей находки, оказалось, что и эта завязка подходит к данному случаю.

Но именно эта стандартная завязка, казалось бы, ничего не меняя, как раз все и меняла: и начало, и конец истории, и, главное, внутреннюю суть ее.

Я съездил на Ленинский, чтобы уточнить обстоятельства находки «Заячьих ушей». Убедился, что да, обстоятельства переданы почти точно. Но...

Прежде всего, как не вспомнить о времени находки. 1935 год — восемнадцатый год Советской власти, второй год второй пятилетки. Страна уже укладывала последние камни в фундамент социализма. Позади — первый свет Днепрогэса, тысячи советских тракторов, вышедших на колхозные (уже колхозные) поля, первый чугун магнитогорских домен, подвиг челюскинцев, знаменитые перелеты наших летчиков, замечательный почин донецкого шахтера Алексея Стаханова, подхваченный миллионами!

И — одинокий старатель-неудачник, живущий мечтой о «фарте», о личном обогащении!..

Есть над чем задуматься.

Может быть, кипучая жизнь страны обошла стороной древнее племя добытчиков золота и здесь сказались свои нравы, свои законы, свое мировоззрение? Но — нет. Перелистываю газеты тех лет и вижу другое.

«Старатель Ойротского приискового управления М. Ровнев (работает в районе Телецкого озера) после многих неудачных попыток сконструировал прибор «бутильный ларь», который пропускает в смену 80 кубометров песков. Новый прибор Ровнев передал на общее пользование золотой промышленности» — сообщает газета «За индустриализацию». Не для себя, не для личного обогащения, а д л я в с е х старался М. Ровнев!

«Красный партизан старатель Кондратьев организовал артель из 400 человек. В короткий срок его артель накопила порядочный основной капитал, обзавелась неплохим оборудованием. Разрабатывая весьма трудные россыпные участки, артель Кондратьева систематически перевыполняет производственную программу» — пишет другая газета. Старатель Кондратьев заботится о производственной программе, составляющей крупинку плана всей страны!

За сухими газетными строками — яркие дела по-новому живущих людей. Нет, старатели те же, наши, советские люди, не обошла их стороной новая жизнь.

А Симонов?..

Я разыскал на Ленинском прииске старого-престарого деда Лаврентича, что около золота родился, около золота прожил всю свою долгую, приближающуюся к веку, жизнь. Помнит он многое. И то, что свои глаза видели, и то, что родные рассказывали: как здесь «при казне еще солдаты робили, каторжники также. А то еще пензенские — надельные, из-под Уфы, кундравинские тоже... Контрачные татары были — это уж позднее, у компании по контракту робили... Смех и грех — найдут самородку да и деру. А куда убежишь — все равно поймают да в кандалы закуют...»

А Симонов? Как же ему не знать Петруху Симонова! Дружить не дружили, а знать — знались. Сколько лет друг перед другом малахаи скидывали: «Лаврентичу, почтение!», «Здоров, Петр!» Да только длиннее этого беседы у них редко бывали: гусь козлу не товарищ.

По словам Лаврентича, Петр Симонов был близким родственником — не то племянником, не то еще как — известно-

му в этих краях золотопромышленнику Егору Симонову. Егор, оборотистый и пройдошистый мужик, из лапотников поднялся до такого туза, что куда тебе!

Фарт, конечно, фартом, но только не на нем одном вылез Егор в тузы: умел так обойти и прижать своего брата-мужика, что всякому барину по этой части мог дать сто очков вперед. Владел многими приисками в округе, в Миассе не один дом поставил себе. Жаден был Егор, к рабочим относился плохо. Да что к рабочим — своего родича Петра и то не желал признавать.

А тот в свою очередь и не обижался — понимал, видно, что одной закваски с ним и что поменяйся они местами, точно так же повел бы себя, как Егор. Все мысли, вся жизнь были направлены на то, чтобы разбогатеть. И хотя не выпадало Петру большого фарту за всю его жизнь, а от золота он никуда не уходил, только становился все угрюмее и злее.

Пришла революция. Не стало ни золотопромышленника Симонова, ни других, подобных ему золотых обирал. Недра стали достоянием государства трудящихся. Медленно, но уверенно становилась на ноги промышленность разрушенной страны. Дошла очередь и до золота. Открылись прииски, опять загремели по окрестным ложкам бутары, загрохотали взрывы шахтопроходчиков. Народ стал добывать с в о е золото с в о е м у государству. Кое-кто еще не сразу понял это и по старой привычке не прочь был «схитничать»: украсть золотишко и продать его спекулянту. Чего греха таить, были и такие, но все меньше и меньше. Одиночки-старатели объединялись в артели, заводили коллективное хозяйство. Молодые шумели, что они тоже хотят быть стахановцами. Над старательскими шахтами появлялись самодельные плакаты — «Даешь перевыполнение плана!». В приисковых клубах смотрели кино и слушали лекции «О происхождении жизни на Земле». Новое властно входило в старательский быт, в рабочие души. Потомки «казенных рабочих» нашли свое счастье.

И только Петр Симонов, еще более злой и угрюмый, все копался в одиночку, искал свое счастье на особицу. Плешивый, дряхлый, иссупленный, ходил он по «заветным» ложкам, бил шурфы, ворошил вязкие глинистые пески на самодельном вашгерде, снимал трясущимися руками «головку» * и, утирая ру-

* *Золотоносные шлихи, отложившиеся в головной части вашгерда.*

кавом слезящиеся глаза, напряженно вглядывался в оседающие на дне ковша золотые искорки.

Но нет — счастье не приходило, золото шло обычное, «трудовое», как его здесь называли. Не его, трудовое, а легкое, «фартовое» золото искал Петр Симонов. Чтобы сразу разбогатеть, забыть о труде и покуражиться — пожить в свое удовольствие.

Поэтому бросал добрые закопушки, брезгуя трудовым золотом, а сам снова и снова бродил, как одинокий, отбившийся от стаи старый волк, и искал, искал свое «дикое счастье». О себе и думать забыл — из лаптей не вылезал, оброс до ушей, рубаха истлела, с плеч валится, в баню от рождества до пасхи не хаживал, хотя и жил-то, собственно говоря, в старой заброшенной бане — другого пристанища не имел. До того дошел — милостыней побирался.

Звали его и в артель, и в селе предлагали легкую работу. Куда там! Взглянет зло из-под насупленных бровей, нахлобучит поглубже на голову лепешку, что когда-то звалась картузом, и в сторону.

И вот, когда уже доживал Петр Симонов свою жизнь, пришло и к нему его счастье.

— Что и говорить, фартнуло ладно! — вспомнил об этом дед Лаврентич.— Сам он мне сказывал потом, как дело было... На Канавинской бабы золото мыли. Жаломейкой *. Старались, значит, где поближе. Всю чашу **, почитай, изрыли. Вон тут — в окно видать. Петр и встал посреди них, где еще не брато было. Копался, копался, отошел куда-то, а вернулся, смотрит, его место занято, другие работают. Ну, поругался он, чуть в драку не полез. Да с бабами нашими разве потягаешься — куда ему, хилому, против них. Всплакнул старик, посидел сколько-то да на новое место и подался, рядом. Не знаю, может, и в самом деле девки ему там помогли, ударили раз-два каелкой — на счастье вроде, а на смех, значит. А может, и не было этого, врать не стану. Только самородку эту здесь Петр-то и выкопал. В старое время тут когда-то стояла бутара... Знаешь бутару-то? Бочка такая, с дырками. В ней пески промывают. Песок с водой уходит, золото на трафарете остается, а гали, если попадают, их руками выбрасывают. Бывало, вместо гали самородка останется. Сколь ни гляди за рабочим, а боль-

* *Желоб, на котором идет промывка золотоносного песка.*

** *Долина вблизи поселка.*

шую самородку завсегда отбросить можно вместо галн. Потом уж, как кто сумеет, сбудет кому. Не за рупь за двадцать, а подороже, конечно. Раньше иасчет того, чтоб самородку стащить у казны нлн у хозяев там, скажем,— это запросто было. Почитай, нн одну добром не отдавали, все норовнли припрятать да присвоить. Вот как-то в трндцатых же годах в Марнинской шахте, когда восстанавливали ее, в старом забое нашли аракчинку. Ну, тюбетейку или как там еще. Тронули ее, она н рассыпалась — нстлела. А под ней самородка. Спрятал, видно, кто-то, а уиести не сумел. Так вот, похоже, и эта самородка была краденой. Краденая да спрятанная. Кто спрятал, тот не нашел. Петру, вишь, досталась через много лет. Да только не на пользу, по-моему... Пропал мужик!

Вечером того же дня, в уютиом и любовно убранном клубе поселка, заведующий Сергей Александрович Худяков досказал мне историю бесславиого коица симоиовского фарта.

— Помию, пришел Симонов в коитору, лица на нем нет, бледный и молчит. Только губа трясется; сам не верит, что сыскал накоиец свою удачу. Повели его прежде всего в баню — привестн в человеческнй вид. Пока он мылся, старое белье и одежду его сожгли, а то не разберешь, чего в них больше было — дыр, заплат илн, простите за подробность, насекомых. Купили костюм, шляпу, тросточку — будь, дядя Петр, человеком.

Директор повез его на паре лошадей в трест. По дороге пришлось заехать в парнкмахерскую: вид у старнка вроде бы стал покультурнее, а иа лнцо посмотрншь — оторопь берет. Зарос до ушей, словно зверь какой.

В парикмахерской Симонов, уже вошедшнй в свою новую роль, развалившись в кресле, стал куражиться: «Бородку мне сделайте — под Калинина!», «Духи эти — чтоб самолучшие были!» Парикмахерше велнт иа чай выдать. А та не берет, чуть ие в слезы: «Не старое время»,— говорит.

Выдали Симоиову две сберкнижки. Одиа для расходов текущих, а другая про запас — деиег за самородок причиталось немало — старику иа всю жизнь хватило бы да еще, пожалуй, н осталось бы.

А старик, словно бес какой его «под микнтки» толкал: «Счастье нашел, всю жизнь его ждал, теперь сам себе голова!» — н пошел куролесить. В старые времена сумасшедшее гулеваиье да бражничанье были первыми спутниками удачн. Симоиов с этого иачал, этим и кончил. Распорядился выста-

вить бочку вина. И чтобы непременно бочку, и чтобы обязательно в ресторане. Нашлись пособнички — стали уже косяки в дверях ресторана выламывать: не влезает бочка. Но народ не дал: ресторан не для одного тебя, хотя ты и при деньгах. Фокусов вытворял разных немало, но ожидаемого восхищения, одобрения, зависти в глазах земляков не встречал. Наоборот, чаще встречал осуждение — то скрытое, то явное: зачем, мол, пыль в глаза пускаешь? Пыль — она пыль и есть.

И увидел Симонов, что остается он почти совсем один. Новые друзья-собутыльники вскоре отошли от него: работать надо! Осталась лишь так — непуть кое-какая.

Так в пьяном угаре да в попытках показать «силу» своего богатства прокутил Симонов все содержимое своих сберкнижек, разбрасывая деньги направо и налево, ожидая за это признания своего авторитета, своей исключительности. Деньги выбросил, а ни признания, ни славы, кроме худой, не получил.

Вытряхнув карманы и порвав бесполезные теперь сберкнижки, уехал Симонов в Чернушку, на родину, помирать. Уезжал и недоумевал — как же так, и богат вроде был, а счастья и почета не было?!

ПОДАРОК ПРЕДКОВ

Со Старо-Андреевским рудником издавна было связано что-то загадочное. Открыли его давно, еще в 1830-х годах, на жильном месторождении близ речки Тыелги (Натыелги).

Открытие его связано с именем известного русского ученого и инженера П. П. Аносова, бывшего в те годы горным начальником Златоустовских заводов. Он подметил сходство горных пород в этой местности с породами других богатых рудников и отправил на Тыелгу разведочную партию.

Разведка вскоре же обнаружила богатый золотоносный пласт. В 1834 году здесь заложили рудник и назвали его Андреевским. Лет через пять-шесть в нескольких сотнях метров нашли другой пласт, еще более богатый.

«Горный журнал» — энциклопедия горнозаводской жизни того времени — писал в 1840 году: «В октябре месяце нынешнего года из этого месторождения промыто песков целых 92 625 и откидных 625, а всего 93 250 пудов, и из них получено золота 2 пуда 29 фунтов 3,5 золотника, что, несмотря

на примесь более убогих откидных песков, показывает общее содержание золота со 100 пудов песку в 11 золотников 22 доли».

В переводе на современные меры это значит, что с каждой тонны песков брали по 30 граммов золота!

Месторождение оказалось замечательным еще и тем, что в нем попадались самородки. Три из них весили от 2,5 до 6,5 фунтов. И все это в течение нескольких месяцев! А в одном из отчетов прииска за 1847 год я нашел сведения, что в начале 40-х годов в россыпи Верхне-Андреевского рудника рабочие руками набирали по 20 фунтов и более видимого золота.

Словом, рудник был если и не сказочно, то все же изрядно богатым.

И вот вдруг ни с того ни с сего его забросили. Приезжие ученые и горные инженеры удивлялись этому не только про себя, но и вслух. В «Горном журнале» не раз можно встретить недоуменные сетования — почему же заброшено богатое месторождение?

Удивлялся знаменитый геолог профессор И. В. Мушкетов, недоумевал известный горный инженер К. А. Кулибин и другие. Кулибин, например, писал: «Странно, что никто из местных старожилов не может дать толковых объяснений по сему предмету». И далее чуть приоткрывал завесу тайны: «Общераспространенный слух, впрочем, говорит, что продолжение жилы в работах было скрыто рабочими и заставлено крепями, так как рабочие работали в этом руднике неохотно и рудник этот был местом ссылки строптивых и провинившихся рабочих из Миасского завода и Златоуста».

Когда Кулибин писал эти строки (1883 год), он еще мог встречаться с живыми свидетелями былой славы Андреевского рудника. Возможно, он знал больше того, что нашел нужным сказать в своей статье. Самое же главное он сказал — то же самое, что подтверждают многочисленные народные предания. Да, богатимое золото скрыли сами рабочие. В этом выразился и их протест против каторжных условий труда, и нежелание отдать в руки своих эксплуататоров богатства недр, и надежда на светлое будущее, когда клады земли станут достоянием трудового народа.

Но как бы там ни было, а рудник забросили. Только едва заметные, сглаженные временем отвалы около обвалившихся и засыпанных старых шахт остались немыми свиде-

телями «золотого урагана», пролетевшего некогда над этим неприметным ложком, каких много на Южном Урале.

Да еще остались предания, сказы, легенды, хранимые в народе, передававшиеся из поколения в поколение. Не все и современники знали тайну старой шахты. Многие унесли ее с собой в могилу. Другие хранили до смерти и передавали старшему в семье как наследство, со строгим наказом — хранить заветное место, не показывать его никому, чтобы снова не обрушились на их головы несчастья. «Большое золото — большая беда»,— говорили старики.

* * *

Прошло сто лет. Время сгладило и отвалы старых шахт и память о былой славе их. На Тыелге, в селе Андреевке, выросшем на месте кучки полуземлянок-полудомишек, шла новая жизнь, совсем не похожая на жизнь прадедов, положивших начало этому поселку. Звенела «Песня о встречном», ветерок колыхал лозунги «Перевыполним производственный план!». Степенно и неторопливо шагали по улице рабочие, деловито обсуждая бригадные заботы: о новых механизмах, о месячной выработке, о новых методах проходки и крепления. Хозяева!

Стариков приглашали в клубы, в управления трестов — поделиться опытом, порассказать о богатых золотом местах.

Одни из них по-честному, не таясь, рассказывали все, что знали, помогали друг другу ворошить память. Другие задумчиво чесали затылки, не решаясь еще открыть припасенные «на черный день» заветные уголки. Были и такие, что просто отмалчивались, хотя и знали кое-что.

Трудно было привыкнуть к тому, что и золото сейчас, как и все,— общее, народное.

Павел Порфирьевич Булдашев, а попросту — Перфилыч, давно уже не работал. Года не те. Больше все ходил как «эксперт» — помочь, указать, направить. В золоте толк понимал, места знал. В одном месте в новую шахту заглянет и скажет: «Бросайте, зря базгаетесь!» А в другой — отколупнет кусок породы, помнет в руках, понюхает и только хитро улыбнется — вроде, дело будет!

Заработков деду на себя и на старуху своих хватало, а страстью к «фарту» он никогда особенно не пылал.

Перфилыч тоже прикидывал и соображал, что к чему. С некоторого времени стал он приглядываться к одному из старательских бригадиров — к Сурову. То на улице подойдет, заговорит. То подсядет на завалинку, цигарку вместе раскурят. То прямо на место работ придет — посидит, покалякает о том о сем. Приглянулся ему этот уверенный в себе, серьезный человек, сосредоточенный и несловоохотливый. Искатель бывалый — с четырнадцати лет на золоте. В гражданскую повоевал — защищал челябинские копи от колчаковцев. На Тыелге недавно, год с небольшим, но авторитет имел большой.

Однажды, подсев к Сурову и выждав, когда они остались одни, Перфилыч сообщил ему:

— Дело давнее, конечно... Кто знает — правда, ай нет... Только отец мне сказывал, а ему — дед, что есть на Тыелге шахта старая, лет сто назад заброшена. Старики про это никому не говорили, держали в тайности. Потому как шахта эта богатимая, золота в ней — лопатой греби. А забросили ее потому, что измывались в ней шибко над рабочими — крепостное ведь время-то было. Вот люди и скрыли жилу, крепью заставили, а потом и засыпали... Отыскать бы нам ее. А, как думаешь? Место я знаю, указать могу. Отец наказывал — без крайности тайну эту не открывать. Ну а мне, сам видишь, крайности никакой нет, на жизнь хватает, богатства не надо. А вот умру если, так золото это никто и не найдет. А государству — надо.

Подумав, Суров согласился. Организовали артель. Получили разрешение на разведку. Дед показал место — километра полтора от Тыелги на юг. Старый карьер, глубиной метров шесть-семь. Среди старых шурфов Перфилыч отыскал тот, который по описаниям дедов походил на заброшенную шахту. Начались работы.

Вначале шло будто неплохо — засыпанная шахта отрывалась довольно легко. Бригада ликовала, предвкушая успех. Но затем пошли неудачи — то вода хлынет, то порода крепкая попадется: ничем ее не возьмешь.

Энтузиазм спал. Часть бригады заколебалась: стоит ли продолжать? Может, и нет тут золота, мало ли чего наговорят старики?

Тогда Суров решил: кто недоволен, пусть идет на другой участок. На Северной шахте, например, золотишко хотя и небольшое, но заработать можно. Большая часть бригады ушла

туда. Остальные, повздыхав, молча принялись за работу снова.

Шли дни. Уже не дни — месяцы. А старая шахта ничем не радовала. Но решили — пока всю шахту не расчистят, работы не бросят.

Только зимой, в январе, после нескольких месяцев работы, стал виден конец. Старая шахта была расчищена.

Золота в ней не оказалось...

Может, так бы и забросили шахту, но обнаружилась боковая горизонтальная выработка — штрек, а точнее — рассечка, как говорят горняки. Выработка была завалена лишь в самом начале, дальше — пустота. Здесь все оставалось так, как было брошено сто лет назад. Даже полусгнившие лучинки — немудрый «осветительный прибор» прошлого — лежали в конце забоя.

Забой осветили и увидели, что прав был Булдашев — загадка старой шахты начинала разгадываться. В самом конце выработки ее пересекала проводниковая жилка красно-охристой массы — верного спутника рудного золота.

Дед воспрянул духом больше всех. Все эти месяцы он чувствовал себя виноватым, иногда сомневался и сам: верно ли старики сказали, не перепутал ли он что, ту ли шахту нашли они? Теперь проводник есть, значит, золото будет.

Жилка кверху утоньшалась, книзу — расширялась. План дальнейших работ стал ясен: нужно подойти к ней снизу, там, где она переходит в золотую жилу.

Шахту углубили еще на несколько метров, под старой горизонтальной выработкой прошли новую, в том же направлении. К 28 января 1936 года продвинулись по ней на три метра.

Утром этого дня, проводив бригаду на работу, Суров вернулся домой. И так все последние дни и ночи почти безотлучно проводил он в шахте. Надо было отдохнуть да и о хозяйственных делах бригады позаботиться.

Но отдохнуть не пришлось. Вскоре прибежал торжествующий Перфилыч.

— Айда! Золото показалось...

Еще утром, в первые же часы работы появилась та самая проводниковая жилка, что встретилась в верхнем штреке и которую сейчас ловили снизу. В ней блестели золотые крупинки.

Тогда-то и побежал Булдашев к бригадиру.

Едва пришел Суров, старая шахта выдала свой первый дар — небольшой самородок, величиной с грецкий орех. Его выкопал забойщик Щепочкин.

А там — и пошло! За каких-нибудь полчаса в выданной наверх породе нашли еще три самородка — в два килограмма, килограмм с четвертью и около килограмма. За день набрали более пяти с половиной килограммов металла.

Взволнованный Перфилыч, блестя влажными глазами, старался сохранить степенность:

— Обожди, ребята!.. Это еще только цветики, ягодки впереди!

И вправду, через три дня, в следующую выборку, показались и ягодки. Вот как об этом рассказывал сам А. Ф. Суров в газете «Правда» 10 февраля 1936 года:

«Когда мы приступили ко второй выборке, я почувствовал под руками большую глыбу. Попробовали выворотить ее кайлом — не поддается. Взяли лом и ломом выворотили огромный самородок. Сперва даже не поверили, что это золото... Весть о нашей находке молнией облетела весь прииск. Все сбежались смотреть небывалый самородок».

Эта «ягодка» весила 14 370 граммов!

«Утром 2 февраля мы с директором прииска, парторгом и дедом Булдашевым поехали в трест рапортовать о своей находке. Не успели приехать, как с нашего прииска звонят по телефону: «Еще младенца выкопали». Этот «младенец» оказался самородком в 9,5 кг, другой — в 6,5 кг. Вместе с ними были мелкие куски золота. За два дня мы добыли около 32 кг, а всего за 4 выборки — больше 40 кг золота».

Два с половиной пуда драгоценного металла подарила старая шахта правнукам тех подневольных кандальников, что когда-то нашли это богатство и, не пожелав отдать его в царскую казну, сохранили для своих потомков.

Старательская артель обсудила событие на своем собрании. Решение приняли единодушное: 4 килограмма золота — в фонд обороны страны, на постройку самолета, по 50 золотых рублей Тыелгинской и Андреевской школам. Пять тысяч золотых рублей — в неприкосновенный фонд артели, на случай помощи попавшим в беду товарищам.

«Поздравляю вас с большой победой — находкой редчайших самородков. Особо приветствую культурное использование полученных денег»,— писал тыелгинцам начальник Главзолота А. П. Серебровский.

Остальные деньги распределили среди членов артели. Каждому досталась сумма немаленькая.

В миасской «Рабочей газете» 4 февраля 1936 года напечатана заметка о заказах «суровцев» Продснабу. Там перечисляются велосипеды, баяны, чайные сервизы, различные ткани, плюшевые покрывала, никелированные кровати, карманные часы, сапоги, полушубки... Суров заказал рояль для дочки. Яблокова и Мешковский купили дома. Дед Булдашев заявил о своем желании попутешествовать вместе с женой Натальей Григорьевной. Он даже составил маршрут поездки: Урал — Москва — Ленинград — Украина. Но отложил: «Дел еще много. Вот уж весной, может...» — оправдывался он.

И ведь поехал! Летом этого же года в одном из номеров «Курортной газеты», говорят, был напечатан снимок — бородатый дед Перфилыч на пляже у Черного моря.

Курочкин Ю. М.

К93 Приключения «Мадонны». Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1973.

120 стр., 9 стр. илл.

Сборник краеведческих очерков, в которых рассказывается история картины «Мадонна», подписанной именем Рафаэля, и о других поисках и находках уральского краеведа.

$К\frac{0284-081}{М\ 158(03)-73}81-73$ Р2 (С17)

Юрий Михайлович Курочкин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «МАДОННЫ»

Художник
Н. КАЗАНЦЕВА

Редактор
И. ШАКИНКО

Художественный редактор
М. КОШЕЛЕВА

Технический редактор
Т. МЕНЬЩИКОВА

Корректоры
Е. ЖУРАВЛЕВА,
Л. ГУПАЛО.

Сдано в набор 25/IV 1973 г.
Подп. в печать 20/VII 1973 г.
НС 19376. Бум. типографская № 1. Формат 70×108¹/₃₂.
Уч.-изд. л. 6,9. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 40 000. Заказ 185.
Цена 25 коп.

Средне-Уральское книжное издательство,
Свердловск,
Малышева, 24.
Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск,
проспект Ленина, 49.

25 коп.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973